

Максим Курочкин

ДЕРЕВЕНСКИЕ ДЕТЕКТИВЫ

**АНИСЬКИН
И ШАНТАЖИСТ**

Максим Иванович Курочкин

Аниськин и шантажист

Серия «Провинциальный детектив»

Текст предоставлен литературным агентством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165156

Аниськин и шантажист: Эксмо; Москва; 2002

ISBN 5-699-01902-2

Аннотация

В совхозе с необычным именем `Но-Пасаран` опять переполох. Завелся тут не воришка, не кляузник, не душегуб, а ...Рыбий Глаз! Правда, какой он, никто из сельчан толком не знает. Потому как никто его живьем еще не видел. Но бояться его все как огня. И как же тут не бояться? Ведь он, зараза, все и про всех знает: кто и где какое темное дело провернул. Даже тогда, когда вроде бы никто и ничего не видел и не слышал. Узнает и сразу письмо с предупреждением придет. А за каждый грешок у него расплата предусмотрена. Справедливость, значит, уважает. Только и на него найдет управу новый участковый с братом-близнецом Кириллом. Ибо перед законом все равны. Будь ты хоть Рыбий Глаз, хоть Чудо-юдо...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	26
Глава 3	51
Глава 4	72
Глава 5	94
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Максим Курочкин

Аниськин и шантажист

Глава 1

Гости

Бес любил пунктуальность. Опоздания он считал недостойными человека своего уровня. А еще Бес совершенно не умел ждать. Слишком много часов неподвижного сидения в укромных местечках самого разного уровня выкинул он из своей жизни, чтобы любить это пренеприятное занятие. И даже малейшее ожидание навевало на него такую тоску, что хотелось завывать или на худой конец разрядить в какого-нибудь несимпатичного человека полную обойму. По вышеизложенным причинам на вокзал он прибыл ровно за пять минут до отхода поезда. Кто же мог предположить, что хулиганка-судьба, лениво позевывая и почесывая правый бок, именно в этот момент задумает немного поразвлечься?

Перед самым входом в здание вокзала дорогу Бесу преградила цыганка. Цыганка – как цыганка, ничего особенного. Все они на одно лицо, и старые, и молодые. И Бес никогда не остановился бы, если бы она не назвала его той кличкой, которую никак не могла знать.

– Торопишься, Бес?

– Кто вы? – поневоле остановился он.

– Ведьма, – просто представилась она.

– Не припомню.

– И не припомнишь. Потому что я просто ведьма. С маленькой буквы, в отличии от тебя.

– И в чем разница?

– Те, кто с маленькой – настоящие. А вы все – подделка.

– И все же, откуда вы узнали мою кличку?

– Надо объяснять? Подумай сам. Ты же умеешь думать.

– Не понимаю. Дайте хоть какую-нибудь зацепку.

– Детство вспомни, – усмехнулась она.

– Вы дочь Сергея Ивановича? – осенило его.

– А что, дочери Сергея Ивановича обладают особой проницательностью? Не угадал. Вспомни, я же сама сказала: я ведьма, и вижу все, что было, что есть, что будет. Хочешь, погадаю?

– Все понятно, – догадался Бес, – где-то что-то подслушали, а теперь используете в качестве наживки. Так вот, голубушка, здесь вам ничего не светит. Лучше работать идите. Создавайте, так сказать, натуральный продукт.

– Дорога тебе предстоит дальняя, – никак не отреагировала на привычные нравоучения цыганка.

– Конечно! Все, кто идет на вокзал с багажом, собираются в дальнюю дорогу.

– А конец ее наступит не скоро.

– И тут угадала. Только это результат чистого везения, а не особой мистической прозорливости, приписываемой вашему роду. Фифти-фифти, как говорится. Либо я еду близко, либо далеко. К тому же любое расстояние, как впрочем и время, относительно.

– Жить тебе в казенном доме черным вороном среди белых голубок.

– А вот это неправда, – опрометчиво не согласился с этим предсказанием Бес, – нет на свете человека, который смог бы меня в казенный дом затащить. Пропустите, некогда мне.

– Иди, – неожиданно легко уступила дорогу цыганка, – только помни: не все черные вороны черны душою, и не все белые голубки чисты сердцем.

Бес, пропустив мимо ушей ее трескотню, быстро вышел на перрон. Поезд, билет на который лежал у него во внутреннем кармане пиджака, приветливо и извиняющееся мигнул ему огнями последнего вагона.

* * *

– Вставай, дед!

Костя Комаров ворвался в дом как всегда: с шумом, с грохотом, с ветром, с продуктами. Шум и грохот создавали его собственные ботинки и покупки, которые Костя так и не донес до стола, а ветер был самый настоящий – с улицы. Руки Комарова были заняты, дверь закрыть ногой не удалось, и

холодный зимний воздух с радостью цыган, приглашенных простоватыми и не наученными жизнью хозяевами на чай, ворвался в дом.

– Дверь прикрой, ирод, – раздался с печи слабый дребезжащий голос.

– Сейчас.

Костя пытался за один присест собрать в охапку рассыпанные по полу апельсины, банки с консервами, конфеты, и у него это не совсем получалось.

– Замерза-а-а-ю, – прощально и печально задрезжал меж тем голос с печки.

– Иду, – испуганно вскочил Костя и, придерживая подбородком ассорти из покупок, кое-как нагроможденных на руках, подскочил к двери.

Руками закрыть ее не было никакой возможности, и Комаров предпринял попытку повторить манипуляцию по закрыванию двери ногой. Все было бы хорошо, если бы дверь можно было просто пнуть. Но открывалась она не вовнутрь, а наружу, и для грамотного и четкого закрытия ее требовались либо, все-таки, руки, либо очень ловкие, натренированные на подобных операциях ноги.

Ноги Кости на закрывание были натренированы плохо. По крайней мере, он боролся с дверью довольно долго. До тех пор, пока пол комнаты во второй раз не украсился абстрактным рисунком из апельсинов, сушек, конфет, батона колбасы и бутылки лимонада. Тогда Комаров вздохнул и легко и

изящно закрыл дверь как все, руками. После чего переместил непокорную еду на большой, круглый стол, стоящий, как это принято в селах, посреди комнаты и поставил чайник.

– Холодно, – пожаловался он неведомо кому, – пакет от мороза лопнул, я думал, что так все донесу. Раз пять на улице все рассыпал, и дома вот. Теперь меня можно искать по конфетному следу, как Мальчика-с-пальчика.

Ему никто не ответил. Костя согрел красные от холода руки над огнем газовой горелки и скомандовал:

– Слезай с печи, будем чай пить. Я тебе такое скажу!

Ответом ему было молчание. Костя знал, что дед частенько засыпает на полуслове, и это его не особенно волновало. Дед был совсем старенький и время от времени впадал в спячки. Спячки длились по-разному: от двух минут до нескольких дней, и Костя подозревал, что во время этих спячек организм как бы консервируется, замораживается, иначе чем тогда можно было объяснить столь долгую продолжительность жизни деда? Костя даже не знал точно, сколько ему лет. Метрики дед потерял еще до войны, после удачно уклонился от получения паспорта, а потом состарился окончательно и перешел жить на печь. На печи было хорошо: тепло, уютно, здесь его не доставала вредная, по понятиям деда, сноха, живущая в соседнем доме и помогающая Косте по хозяйству. Естественно, при желании она стащила бы свекра и с печи, но она даже не подозревала, что он находится так

близко от нее. Анна Васильевна считала, что дед по удрал по меньшей мере на ликвидацию строительства БАМа или в Монголию – пасти полуфабрикаты для дубленок и кожаных курток.

Комаров отодвинул занавесочку с павлинами и заглянул на печь. Дед, или Печной, как за глаза звал его Костя, лежал неподвижно, скорбно сложив на груди сухие, с коричневыми прокопченными табаком ногтями руки. Губы его были плотно сжаты, выражение на лице лежало благочестивое и смиренное.

– Спит, – вздохнул Комаров, – у меня – такие новости, а он спит!

Юноша задернул занавеску и принялся разбирать утихомирившиеся покупки по своим местам.

– Не сплю, а помер, – прервал тишину обиженный, но вполне земной голос, – и некому мне слово напутственное в мир иной произнести, и некому слезу горячую на впалую грудь уронить. Оно и понятно: сроду убивцы над хладными трупами жертвов своих не рыдали. Не тобой придумано, не тебе и рушить.

– Приболел? – пропустил мимо ушей жалостливые слова про убивца Костя, – чего же сразу не сказал?

– Дык, я только сейчас приболел, – дед явно подзабыл, что уже помер, и хотел выговориться в свой последний час, – как случилось все охлаждение организма, так и приболел.

– И сильно? – Костя уже понял, что Печной симулирует,

но продолжал ему подыгрывать.

– Так сильно, что и с солнышком попрощаться уже не суждено. Вечер еще промучаюсь, а к ночи Богу душу отдам.

– Жалко, – почти с искреннем сожалением произнес Костя.

– Дык, оно понятно, – пожалел квартиранта Печной, – столько, считай, вместе с преступностями боролись. Теперь, считай, тебе одному и не справиться. И расцветет буйным цветом преступность по всему Но-Пасарану, и захватит своими щупальцами весь свет и соседние районы.

– Да пусть захватывает, – отмахнулся Костя, – пока она захватит, я сто раз отсюда уеду. Преступность, она не так уж и быстро растет. Я о другом жалею.

– Обо мне? – обрадовался дед, – эт тоже верно. И будет точить тебя совесть, что заморозил такого ценного сотрудника, – затянул он на былинный мотив, – и доточит до состояния пня трухлявого, снаружи – еще ничего, а ткни пальцем, одна гниль и черви белые, жирные, противные.

– Жалко мне, – не выдержал Костя, – что ужинать без тебя придется. Анна Васильевна курники затеяла, сказала, принесет, как готовы будут.

На печи воцарилось молчание. Комаров слышал, как дед несколько раз звучно потянул носом, видимо, принюхивался, идет ли аромат пекущихся курников со стороны дома снохи, или нет. Неизвестно, почуял ли он лакомство носом, или поверил Косте на слово, но на всякий случай решил не рис-

ковать.

– Лады, – согласился он, – поживу ишо маненько. Только, чур, больше избу не выстужать. Много вас тут таких ходит, а нам с печкой лежи целыми днями, тепло вырабатывай. И вообще, для будущего, запомни: ишо раз обидишь старца, как есть на тебя Рыбьего Глаза натравлю.

– А это еще что за фрукт?

– Не знаешь, – противным злорадным голоском прокрипел дед, – а вот зря. Рыбий Глаз – он все видит, все знает, все примечает, а потом наказывает страшной карой. И ишо маненько материально.

– Это дух такой, типа домового?

Костю очень интересовала мифология по-но-пасарански, он не упускал случая, чтобы узнать что-нибудь новенькое и жутковатое.

– Сказано же тебе, Глаз. А какой дух в глазе? Если только рыбный. Но вообще он не не воняет, только смотрит.

– Как же он смотрит, если у него головы нет? На чем-то он должен крепиться!

– Он и крепится, только не на голове, а где хочет. Хочет, к стенке прилипнет и смотрит, а хочет – из щели какой зрит. Бывали случаи, в тарелке оказывался.

– Так это, наверное, в тарелке с ухой?

– Не понимает, бестолочь, – занавеска на печи возмущенно заколебалась, – в ухе глаз какой? Вареный! А Рыбий Глаз фиг сваришь, неуловимый он. Появляется там, исчезает тут.

– А почему все-таки Рыбий?

– А повелось так. Рыбий – и Рыбий. Теперь уж все при-
выкли. Не менять же его на Акулий Плавник!

– Логично. И как же он наказывает?

– Письмо присылает, где накладывает наказание. Наказа-
ние надо исполнить, а ишо деньги выслать, штраф такой.

– И тебе такие письма приходили? – Костя не минуты
не сомневался, что легенда о Рыбьем Глазе – родная сест-
ра местных страшилок о Женщине с Лошадиными Ногами
и Крысе Кусающей за Губу, но слушать все равно было ин-
тересно.

– Мне не приходили, – ответил дед, немного поразмыс-
лив.

– Значит, все вранье?

– Не вранье! – когда Печной сердился, голос его срывался
на фальцет, – вовсе не вранье, а потому что безгрешный я, и
никакого отпущения грехов мне не требуется. Ни наказания,
ни материального. И вообще я пенсию не получаю, потому,
как в бегах я. И вообще, отстань, душу растревожил.

Дед замолк. Костя знал, что если он не хочет говорить,
то никакая сила на свете не может заставить его сделать это.
Поэтому он стал заниматься своими делами. Захочет – сам
заговорит.

Он налил свежезаваренного густого чаю в две чашки,
щедро сыпанул сахару деду, немного подумал и добавил еще
ложку себе. Комарова еще мама приучила пить чай с од-

ной ложкой сахара, и он был шокирован когда при нем одна из местных старушек насыпала в чай чуть не половину стакана сахарного песка. А потом увидел, что большинство сельских стариков пьют чай именно так. Наверное, возмещают упущенное в голодном детстве. Костя привык, перестал удивляться и даже сам удвоил количество сахара. Вкусно же! Сладко. Комаров любил сладкое.

Он недавно приехал в Но-Пасаран. После окончания школы милиции отличнику Константину Комарову была прямая дорога в юридический ВУЗ, но он заупрямился. Почему, скажите на милость, лучшие курсанты школы милиции должны сидеть в кабинетах и перекладывать бумажки из одной кучи в другую? Лучшие должны ловить, доставать доказательства вины и, самое главное, предотвращать. Наказать виновного – не самое главное. Самое главное – создать условия, при которых ему не захочется совершать преступления. И начинать надо с самого трудного. С глубинки, где нет никаких условий для работы. И там живут люди, и им нужна помощь.

По этому вопросу Костя чуть ли не до посинения спорил со своим братом Кириллом. Костя и Кирилл были двойняшками. Они не были абсолютно похожи, и те, кто знал их давно, без труда определяли, где Костя, а где Кирилл. Те же, кто видел впервые, довольно долго не мог разобраться, кто есть кто. Так же дело обстояло и с характером братьев, и с взглядами их на жизнь. С одной стороны – оба они после школы пошли в школу милиции, оба закончили ее с отличием,

но вот Кирилл после окончания школы милиции поступил в юридическую академию, а Костя поехал на край света, в совхоз имени Но-Пасарана. И так во всем.

– Дед, пока курники не готовы, идем чаю с колбаской, а? – соблазнял Костя.

На печи слышались звуки, напоминающие чихание кошки, занавеска колыхнулась, и из под нее свесились огромные, грязно белого цвета, все в заплатках валенки. Валенки дед не снимал никогда. В них было тепло, отставшие заплатки выполняли роль вентиляционных отверстий, в валенках не было ни грамма вредной для организма синтетики, они были как вторая кожа. Единственным неудобством были ногти, которые, все-таки, приходилось стричь хоть раз в год, но и их дед заставил работать на себя.

Как? Он просто перестал их стричь. Ногти пометались, пометались внутри валенок несколько лет и пробили себе путь на свободу прямо через толстый слежавшийся войлок. Это было несколько неэстетично, но зато удобно: валенки не сваливались, как раньше, а ногти могли расти теперь сколько им вздумается. Росли-то они медленно.

– Помогай, чего стоишь, – прикрикнул Печной.

Костя подставил деду плечо.

– Гости к нам едут, – не мог больше скрывать Костя, – брат мой, Кирилл, и учитель. Наконец-то я вас познакомлю! Наконец покажу им наш Но-Пасаран!

– Гости – это хорошо, – дед, казалось, окончательно при-

шел в себя после переохладения, – где гости – там печка не стынет, и еды вкусной завались. Телепрограмма пришла?

– Нет, не телеграмма, письмо от Кирилла получил, – проигнорировал Костя ошибку деда.

Дед часто переворачивал слова наизнанку. Иногда Комаров поправлял его, на что дед, чаще, всего, смертельно обижался, а иногда пропускал мимо ушей. Смысл ясен – и ладно.

– Письмо? Это такое мятенское? – заинтересовался дед.

– Пока не мятенское, – потряс надорванным конвертом Комаров.

– Значит, не то, – сразу потерял интерес дед, – то мятенское было.

– Да какое то? – пришла очередь интересоваться Косте.

– Что утресь под дверь подпихнули. Мятенское такое, жалкое. Ненужное, наверное. Нужные письма не подпихивают, их себе забирают. Вот я и подумал: зачем тебе ненужное письмо? Да еще и мятенское? Вот и, кхе-кхе, отнесся к нему собеседственно.

– Как это соответственно? – почти закричал Костя, – какое право ты имеешь уничтожать мои письма? А вдруг там что-нибудь важное?

– От раскочегарился, – с досадой фыркнул дед, – из-за какого-то письма задрипанного чуть волосы в ушах не дергает. Смотреть противно.

– Ну дед, ну, даешь! – только и смог выговорить Костя.

Наглость деда иногда была через край. И все потому, что единственное, чего он боялся пуще чумы – это его сноха, Анна Васильевна. Некоторое время назад Печной сбежал из-под опеки постоянно одергивающей его женщины и удачно скрывался на печи пустующего дома. Как он жил и чем питался все это время он не рассказывал, сколько Костя не просил, а Анна Васильевна искала-искала свекра, да и бросила. Так он и остался жить на печи у Костика.

Дед немного побормотал, высказал тихонечко что-то нелицеприятное в адрес квартиранта и сжалился. Все-таки Комаров был неплохой парень. Молодой еще только, глупый, а так – вполне ничего. Харчами делился и снохе не сдавал.

– Ты хоть и власть, а соображение у тебя как у паршивого гусенка, – немного помолчав опять начал он, – вот поправляешь меня в словах, а не знаешь, что «поступить собеседственно» – это вовсе не то, что ты подумал. Это не изничтожить напрочь, а просто прогенерировать.

– Проигнорировать, – насторожился Костя.

– Не перебивай, когда старшие речь говорят! – сорвался на фальцет Печной, – ну что за времена пошли! Никакого почитания старших. Так вот, письмо это задприпанное где лежало, там и лежит. Больно мне надо тужиться, депеши изничтожать. Чай, не война. Вот помню как партизанил я, пришлось одну почту слопать. Так там по нужде было, а тут с чего я буду десны насиловать? Чать, не казенные.

Костя уже не слушал воспоминания деда о фронтовой зре-

лости. Он искал письмо. Конечно, может там и не было ничего важного, но Печной настолько подогрел интерес к пропавшему депеше, что вопрос нахождения письма для Комарова сейчас был почти равен вопросу жизни и смерти.

Нашел он конверт быстро. Нетерпеливо надорвал краешек, достал не менее замызганный, с множеством исправлений лист и прочитал:

«Плоха работаете, товарищ милищанер. Не тем делом занимаетесь. Грабят на глазах у честного народа простых тружеников, а вы – хоть бы хны. Скажите спасибо, что есть еще на земле Российской честные люди, для которых борьба за справедливость важнее хорошего отношения начальства. Видь если бы меня застучали, то хана мне пришла бы. Но я уже ничего не боюсь, кроме сырой земли и зубы сверлить. Так что настоятельно прошу: обратите пристальное внимание на электронику, Онежскую и Помировых. Тех особенно жалко. И так фамилия на бедность намекает, а еще и взаправду придется по-миру идти. Помогите им, честным труженикам, вернуть награбленное. То есть ограбленное, какись. Я ясно выражаюсь? Тогда до свидания. А фамилию я свою все равно не скажу, так как хотя мне борьба за справедливость и важнее хорошего отношения начальства, своя одежда ближе к телу. Видь немного я все-же побаиваюсь.»

– Ну, что? – подал голос с печи дед.

– Лучше бы ты его съел, – уныло ответил Костя.

Пародия на информацию, изложенная в письме, явно не

несла в себе ни частички здравого смысла. И все же долг сельского участкового обязывал Костю проверить факты, которые автор попытался изложить в письме.

– Итак, ограблены некие электроник – это, скорее всего, местный электрик, Онежская в совхозе одна, Цветковы – тоже. Я пошел реагировать на сигнал, а ты сиди дома, – обреченно скомандовал Костя.

До приезда брата и Виктора Августиновича следовало разобраться с рутинными и в общем-то пустыми делами, чтобы было больше свободного времени и чтобы авторитет Но-Пасарана не упал в глазах гостей из-за столь ничтожных дел.

Костя любил Кирилла. Уважал наставника. Он был искренне счастлив оттого, что они решили навестить его и не по письмам, а своими глазами убедиться, что Но-Пасаран стоит того, чтобы подарить ему молодые годы. Не знал Костя лишь того, что приезд столь желанных гостей вместе с радостью прихватит столько тревог и волнений, сколько он не мог и представить.

* * *

Но-Пасаран был довольно крупным и не совсем запущенным совхозом. Он даже имел собственный мелькрупкомбинат, гусятник и дом престарелых. Функционировал в нем, само собой, фельдшерско-акушерский пункт, отделение ми-

лиции, пара магазинов и даже «Геркулес» – не то столовая, не то ресторан, сельчане еще никак не могли определить-ся. Но-Пасаран относился к райцентру Труженик и располагался в живописнейших окрестностях, к которым, кроме речушки Нахойки, озера Чертов Омут и Плешивой Горки принадлежала полурасформированная колония и небольшой таможенный пункт, призванный пресекать проникновение со стороны Казахстана неположенных товаров и людей, а со стороны России – неположенных людей и товаров. Но-Пасаран находился, естественно, на стороне России, хотя по ту сторону границы все было точно так же: ни тебе юрт, ни диких вольных кочевников, ни осликов с верблюдами. Даже названия сел – и те русские, в отличие от Но-Пасарана, в первобытные, непрогрессивные времена прозывавшегося Малиновкой.

Комаров всю жизнь прожил в зеленом и тихом городе Дмитровграде, даже бабушки с дедушками у него были коренными городскими жителями. Село Костя знал по старым художественным фильмам и книгам советских классиков. Для него деревня была подобна необитаемому острову: трудно, порой, даже страшно, но безумно интересно. Ожидания его не обманули. Первое время он даже подозревал, что оказался в параллельном мире, настолько отличалась жизнь в Но-Пасаране от жизни в его родном городе. И дело тут не в манере одеваться, не в диалектологических особенностях и не в отсутствии, порой, элементарных удобств, наличия кото-

рых городские жители даже не замечают – настолько к ним привыкли. Костю потрясло другое: здесь всем до всех было дело. И если ленивый и уставший от развлечений городской житель даже не всегда высунется в окно, чтобы поглазеть на пожар в соседнем доме, то любознательный житель сельский в упоении полночи простоит под окнами дома, где гуляют свадьбу. А потом еще полгода будет делиться подробностями со всеми земляками.

В Но-Пасаране были свои отверженные, которых не принимало все население, а тень отчуждения падала и на детей этих отверженных. В Но-Пасаране были свои любимчики, которым прощалось все: и слабости, и дурные поступки. Одним словом, в Но-Пасаране жило и здравствовало самое настоящее Общественное Мнение, и не просто здравствовало, а занимало достаточно высокий пост для того, чтобы отравить человеку существование, выжить из села или наполнить жизнь его симпатией, уважением или даже преклонением окружающих.

Комарову и в голову не могло прийти специально завоевывать симпатию но-пасаранцев. Он и представить не мог, что от этой самой симпатии зависит не просто вопрос его пребывания в Но-Пасаране, но и успех его работы, то есть сам процесс установления свободного от преступности общества в отдельно взятом населенном пункте. Так что процесс поиска своего места в этой общественной иерархии происходил против его желания и даже как бы без его непосред-

ственного участия.

Но-пасаранцы сами составили мнение о новом участковом, сами присудили ему титул человека полезного и симпатичного, сами решили не чинить препятствия участковому, а помогать ему по мере возможностей и желания каждого. Костя даже и не догадывался, что сумел расположить село в свою пользу.

Хотя бывалый человек догадался бы сразу. Например по тому, как здоровались аборигены со своим участковым. Не просто кивком головы, не просто коротким и ни к чему не обязывающим «здрасти», а ритуально, с обязательной искренней улыбкой и небольшой, минут на пять-пятнадцать остановкой. Бывало, что с работы до дома Костя вместо обычных десяти минут доходил за час. Пока отчитается каждому встречному о здоровье, пока выслушает новости о городских родственниках и оценку международных событий, пока...

– Здравствуйте, Константин Дмитриевич.

Сегодня Костя торопился. Поздним вечером должен был приехать брат и Виктор Августинович, но проигнорировать приветствие он не мог. Тем более приветствие бабушки Пелагеи или Крестной Бабки, как звали ее на селе. Крестной Бабке дали это прозвище после коллективного просмотра фильма «Крестный Отец». Милейшая и уютная бабушка Пелагея мало походила на кровожадного и алчного Дона Карлеоне, но именно она была той самой последней инстанцией,

которая подводила итог Общественному Мнению.

– Здравствуйте, бабушка Пелагея.

– Как там Прапорщик? Не осип еще от крика? Кур топчет?

Когда-то в знак признания Кости селом Крестная Бабка подарила Комарову красивого голосистого петуха. Костя назвал его Прапором за оглушительный голос, любовь к бессмысленной дисциплине и беззастенчивый нрав, а Пелагея звала уважительно: Прапорщиком.

– Что вы! Так поет по утрам, что мертвого разбудит, – проигнорировал вопрос по поводу кур Костя, – далеко на ночь глядя собрались?

– В «Улыбку», – охотно ответила старушка, – на концерт пригласили. У их нынче пленники выступают, а мне больно нравится, когда они петь зачинают. Жалостливо так, с надрывом, с раскаянием. И песни-то все с каким смыслом положительным!

Костя улыбнулся. С некоторых пор между заключенными из местной колонии и старичками из дома престарелых установились до смешного трогательные отношения. И те, и другие были одиноки и сентиментальны. И те, и другие жили в «казенном доме». И те и другие близко к сердцу принимали «жалкие» песни. И те, и другие тосковали по «прошлой» жизни. Правда, прошлая жизнь у них была разная, но теперь это не имело значения. На Руси издавна культивируется симпатия к оступившимся и грешникам.

На почве общих интересов и сошлись старушки из «Улыб-

ки» и уголовники или «пленники», как мягко называли их новые друзья. Они обменивались трогательными сувенирами и предметами быта, изготовленными собственными руками, репетировали незамысловатые концерты, помогали обустроить быт. Заключение выполняли грубую мужскую работу в доме престарелых, а старушки в благодарность одаривали друзей вязаными носками и пирожками с капустой.

Руководство колонии ничего не имело против этого общения, тем более что визиты в «Улыбку» наносили не закоренелые рецидивисты, а те, кто сидел за мелкое жульничество и пьяные драки. И более того: начальство само, без просьб и понуканий помогало дому престарелых. То скамейки с беседками поставят, то машину дров привезут.

Сегодняшним вечером концерт готовили заключенные, и к дому престарелых стекались неорганизованные старушки. Места в доме было предостаточно, и коренным жительницам «Улыбки» льстило такое внимание к их быту «домашних» старушек.

Костя распрощался с бабушкой Пелагеей и позавидовал интуиции и смекалке новой заведующей «Улыбки». Какое великолепное воспитательное значение несет в себе эта дружба! Заботясь о немощных и беззащитных перед жизнью стариках, сердца уголовников волей-неволей смягчаются, со временем они начинают чувствовать потребность в такой заботе, а где действенное сострадание к слабым – там рукой подать до полного или частичного исправления и реабили-

тации перед обществом. К тому же старики могут научить заключенных только хорошему, а заключенные уже не смогут повлиять на старушек в отрицательную сторону. Костя даже фыркнул, когда представил, как бывшие преступники учат милых старушек черно ругаться и варить чифир. Нет, молодец, все-таки эта новая заведующая! И как только Костя сам до этого не додумался? Не его, конечно, дело заниматься перевоспитанием заключенных соседней колонии, но приятно сознавать, что несколько погрязших в преступлениях против людей душ очистятся благодаря простым но-пасаранским старушкам.

Хорошо было бы потеснее познакомиться с заведующей, расспросить о методах ее работы, поприсутствовать на концертах. Не сегодня, конечно. Сегодня некогда. Надо встречать Кирилла и Виктора Августиновича. Вот, кстати, их-то наверняка заинтересует эта практика! И они поймут, что Но-Пасаран – действительно удивительное место.

* * *

Тот, кто выбрал для воплощения своих преступных замыслов в жизнь совхоз имени Но-Пасарана, был весьма неглупым человеком. Именно эта микроскопическая, но симпатичная точка на карте Евразии являлась сосредоточием всех компонентов, которые делали картину преступления идеально продуманной и исполненной.

Впрочем, особо выбирать ему не приходилось. Выбор сделала, скорее, судьба вкупе с одним из колесиков тяжелой и ржавой бюрократической машины, которое повернулось именно в сторону Но-Пасарана и направило туда тех, кто идеально подходил для осуществления задуманного. Удаленность от крупных городов, доверчивость и особая, свойственная только глубинке наивность населения и практически полное отсутствие пронырливых и опасных стражей порядка. Разве можно считать опасным совсем юного и неопытного местного участкового Комарова! Ну, раскрыл пару преступлений. И что с того? Удачное стечение обстоятельств, и не более.

Совхоз представлялся для преступника просто мешком Деда Мороза, случайно свалившемся во время транспортировки из саней. Целый воз достоинств и ни одного недостатка! Орудовать здесь можно было столько, сколько позволяли обстоятельства, желание, и совесть. Если она имелась в наличии у преступника, конечно.

Глава 2

Утро добрым не бывает

Бес любил путешествовать автостопом. Здесь никто не требовал предъявить документы, никто нагло, с сознанием собственной правоты, не сверял твой нос с носом на фотографии в паспорте, никто не заставлял под страхом немедленного изгнания из движущегося на полном ходу состава оплачивать омерзительно влажное, нежного серого цвета постельное белье. Здесь царил дух незатейливой мужской солидарности и равенства между личным достоинством пассажира и водителя.

Естественно, Бес предпочитал не напыщенные легковушки, а солидные большегрузы. В отличии от первых, пассажиров они брали охотно и относились к пассажиру как к небольшому сюрпризу, если тот, конечно, не забивался в уголок и не сверкал оттуда злобными глазками маньяка.

Глаза Беса, не смотря на кличку, не были злобными, а машина ему подвернулась та, что надо. Проезжала как раз мимо пункта назначения. Бес легко договорился с водителем — парнем лет двадцати семи, и с комфортом устроился в высокой, просторной кабине. Путь предстоял неблизкий.

Поезд приходил ночью. В Костином распоряжении находился вполне приличный мотоцикл с коляской, поэтому он не стал искать машину для встречи гостей. Виктор Августинович Афиногенов, не смотря на свой преклонный возраст, от всей души презирал удобства, он получал истинное наслаждение от ночевок под открытым небом, отсутствия элементарных удобств и питания на подножном корму. А его салат из ряски и жареные на прутьях безволосые гусеницы нравились даже Косте.

Поезд стоял полторы минуты, поэтому Костя не стал бегать по едва освещенному перрону вдоль вагонов, а встал где-то посередине. Он даже не обратил внимания на человека, легко спрыгнувшего с подножки последнего вагона, так как ждал двоих гостей. Каково же было его удивление, когда этот человек не прошел мимо, а панибратски и довольно чувствительно хлопнул его по плечу и весело поинтересовался:

– Уснул? Родного брата не видишь?

– Кирилл! А почему ты один?

– Представления не имею, – пожал плечами Кирилл, – скорее всего, где-нибудь случилось что-то неординарное. Ты же знаешь Виктора Августиновича, ради дела он пожертвует не только отпуском.

– Даже не предупредил?

– Не считал необходимым, наверное, – пожал плечами Кирилл. – Он всегда был против всяких условностей. Вот увидишь, явится в тот момент, когда мы будем меньше всего его ждать.

– Явится ли? – немного разочаровано протянул Костя.

– Ты чего, забыл? Если Афиногенов обещает, он делает всегда. Не получится сегодня, сделает завтра. Не получится завтра, сделает через год. Поехали. На чем вы тут передвигаетесь? На ишаках, собачьих упряжках или верблюдах?

– На упряжках эвенки передвигаются, – не обиделся на обычный ироничный тон брата Костя, – а мы поедем как графья – на мотоцикле.

– Как кто? – расхохотался Кирилл, – ну и лексикончик у тебя стал! Ты, брат, совсем сельским жителем заделался. Может, коровку уже завел? Кабанчика откармливаешь?

– Чего нет – того нет. А вот козел и петух в наличии имеются.

Костя специально не писал Кириллу о Мухтаре. Он прекрасно понимал, что брат поднимет его на смех, едва узнает о том, что вместо рабочей собаки Костя использует обычного беспородного козла. Разве докажешь в письме, что Мухтар – не обычный козел. Что след он берет не хуже овчарки, что легко выполняет команды «голос», «лапу», «рядом» и «ждать». Что может отнести записку туда, куда попросит Костя. Что рога и копыта его могут быть страшнее, чем клы-

ки бультерьера. Костя хотел, чтобы Кирилл сначала убедился в необыкновенных способностях этого незаурядного животного, а потом попробовал иронизировать.

Правда, была еще одна причина, по которой Костя не топился хвастаться козлом. Дело в том, что Мухтар все-таки отличался от обычной служебной собаки. И отличался не только внешне. Он был предан, но не до безрассудства. Он служил не за жалование, но только тогда, когда ему это было интересно. Он умел виртуозно симулировать полное отсутствие интеллекта, если требование хозяина казалось ему неинтересным и сложными. То есть по характеру и типу мышления он был ближе к человеку, чем к собаке. И время от времени Комаров клялся и божился, что непременно закажет себе в настоящем питомнике щенка немецкой овчарки. Но обида на очередную выходку питомца скоро проходила, и мечта о настоящем щенке отодвигалась на неопределенное время.

До дома они доехали уже глубокой ночью. Печной не то спал, не то притворялся. Костя решил, что дед сначала хочет составить свое мнение о госте, а потом явить перед ним свой незабываемый лик и валенки. Хотя, скорее всего, дед просто стеснялся. Не любил он лишний раз перед людьми показываться.

А Косте не спалось. До утра разговаривал он с братом, до утра рассказывал подробности дел, которые он раскрыл самостоятельно, практически без помощи начальства выше и

вопреки активному содействию дружественно настроенных односельчан. Эмалированная миска с апельсинами, которую Комаров поставил себе на колени, медленно, но верно лишалась апельсинов и наполнялась ярко пахнущими апельсиновыми корками, Кирилл апельсины игнорировал, слушал с интересом, но выражение несколько снисходительной иронии не сходило с его лица.

– Хищение гороха с мелькрупкомбината, это, конечно, круто, – преувеличенно серьезно оценил он подвиги брата, – я занимаюсь делами попроще.

Кирилл был перспективным юношей. Диплом с отличием не был пустым звуком. Фотографическая память, железная логика, широкая эрудиция, обаяние Кирилла Комарова не прошли незамеченными для преподавательского состава академии, и практику юноша проходил не где-нибудь, а в одной из столичных прокуратур.

– Вот скажи, какие суммы оперировали в твоих двух делах?

– В первом – пятьдесят четыре тысячи. Это уже доказано. Во втором – нисколько. Убийство произошло на почве любви и ревности.

– Пятьдесят четыре! Рублей? Чего я спрашиваю! Конечно, рублей. В вот в деле, о котором говорил мне мой куратор, счет шел на десятки тысяч долларов. Ты слышал что-нибудь о хакерах?

– Ты чего? – обиделся Костя, – еще спроси, видел ли я

когда-нибудь телевизор.

– Не обижайся. Так вот, примерно год назад в Москве сверкнул необычный хакер. Этот тип ввергнул в панику все столичные банки. За кратчайший срок со счетов двух из них уплыли довольно внушительные суммы. Уплыли, как ты догадываешься, в неизвестном направлении. Самое интересное заключалось в том, что на этом дело и закончилось. После столь мощного удара по банкам атаки прекратились полностью. Понимаешь, в преступном мире действует свой закон, нарушить который практически невозможно: если преступление удалось один раз, преступник обязательно совершит еще одну попытку. Легкий хлеб сладок, поэтому жуется быстро. Если бы хакер не угомонился, если бы он хоть раз предпринял попытку к повторному ограблению, то был бы шанс вычислить его, а так...

– Я бы на его месте давно перебрался за границу. С такими деньгами можно купить маленький коттеджик на берегу Атлантики и жить себе припевающе до конца жизни.

– Провезти такую сумму за границу не так легко, как ты думаешь. Так что либо он залег на дно и ждет, когда о нем все позабудут, а ждать придется долго, либо, что наиболее вероятно, деньги были переведены напрямую – в один из банков Европы.

– И никакого следа?

– Никакого. За исключением его виртуального автографа. Этот тип называет себя Муха. Кстати, как тебе известно, му-

хи отличаются крайней назойливостью. Именно поэтому мы считаем, что так просто он не откажется от столь сытных кормушек.

– Или она. Муха – существительное женского рода.

– Или она, – не стал спорить Кирилл.

– А можно ли вообще поймать хакера с помощью старых, дедовских методов?

– Ты имеешь в виду кровавые следы, ведущие от квартиры жертвы к квартире преступника и пузырек с ядом, на этикетке которого обозначена фамилия убийцы? – хмыкнул Кирилл.

– Я имею ввиду дедукцию, логику, анализ.

– Это все слишком сложно, – зевнул Кирилл, – виртуальное расследование настолько отличается от реального, насколько ярмарочный балаган отличается от телевизора последнего поколения. И это так сложно и интересно! Не то, что искать похитителя гороха и воришку пиджака с огородного пугала. И вообще, не слишком ли ты разошелся с апельсинами?

– Что я, маленький? – обиделся Костя, – все детство мама отбирала, теперь ты. Я уже взрослый и сам решаю, что хочу, а чего нет. Ты меня еще суп перед апельсинами заставь поесть. Или кашку овсяную.

– Давай лучше спать, – еще раз зевнул Кирилл, – а завтра договорим.

– Ты не прав, Кирилл, – горячился Костя, – ты считаешь,

что найти похитителя крупной суммы гораздо важнее, чем вернуть старушке украденную козу. А может, для моей старушки эта коза – единственная ценность? Причем ценность не только материальная. Ты не допускаешь, что к козе можно привязаться как к собаке, например?

– К козе? – фыркнул Кирилл, – ну ты скажешь! К козе! Скажи еще, что поросенка можно научить давать копыто и брать след. А ты не думал о том, что и к деньгам можно привязаться? И ограбленные хакером владельцы банков подобно твоим бабушкам, рыдающими в пустом стойле, рыдают над пустым сейфом?

– Так он и сейфы обчищал?

– Я условно. Вот это, я понимаю, настоящее дело. С сильным, умным и ловким врагом гораздо интереснее бороться, чем с огородным воришкой.

Костя не ответил. Потом, когда брат уже спал, он долго лежал с открытыми глазами. Конечно, то, чем занимается Кирилл – несравненно более монументально, более престижно, чем работа самого Кости. Как приятно, наверное, намекать в кругу близких и не очень близких на характер и масштабность своей работы! Но стоят ли того слезы радости старушки, которой Костя нашел украденную козу? Вопрос!

– Ага, – тихонечко раздалось с печи.

«Почему Печной со мной согласился? – уже засыпая, подумал Костя, – я ведь думал не вслух?»

Утро добрым не бывает. С этой народной мудростью Костя никогда не был согласен. Он очень любил утро в деревне. И даже специально завел петуха, чтобы утро было настоящим по всем направлениям – визуальным, аудиальным и невербальным. Но иногда, все-таки, самым краешком подсознания, он временно соглашался с этим спорным утверждением. Например, сегодня.

Конечно, то, что Костя лег спать уже под утро – было его личной проблемой. Он прекрасно сознавал, что завтрашний день – будний, значит в том, что он не выспался, никто не был виноват, кроме самого Кости. И все же. Все же он был бы не против, чтобы его разбудило привычное пение Прапора, а не этот весьма неприятный визг за дверью.

– Горе, горе-та какае-е-е, – завывал голос за дверью, – неприятна-а-асть! Открывай, участкова-а-ай, а то поздно буде-е-ет!

Костя спронеся вскочил с постели, не заметив того, что ноги его самым непостижимым образом оказались внутри пододеяльника. То, как он добрался до двери, скорее напоминало масляничный бег в мешке, чем походку участкового. Уже около порога он окончательно проснулся и пришел в себя. Поэтому не стал распахивать дверь терпящему бедствие, а уже привычно спросил:

– Одеться-то можно?

– Можно, – немного подумав, капризно разрешил голос за дверью, – только скоренько, а то будет поздно.

– Значит, все в порядке, – вздохнул с облегчением Костя.

– Что случилось? – приподнялся на локте Кирилл, – помощь нужна?

– Спи, – отмахнулся Костя, – ничего особенного. Опять кого-нибудь муж обозвал или горшок с плетня уволокли.

На улице было еще темно. Костя, спотыкаясь и скользя, брел за молодой, лет тридцати, Людмилой Маркеловой и пытался сосредоточиться на том, что она говорила. А говорила она что-то о ядовитом змее, который отобрал у сирот последнюю корочку хлеба.

– Ну, ядовитый змей, надо полагать, ваш муж, – предпринял он попытку к систематизации услышанного, – а сироты кто?

– Так дети же, Андрюшка и Дашутка.

– Чьи дети? – уточнил Костя.

– Мои.

Женщина остановилась и участливо заглянула в глаза участкового. По причине раннего утра и темноты глаз участкового было не видать, поэтому женщина решила подтвердить свои подозрения словами:

– С вами все в порядке, Константин Дмитриевич?

– Людмила Сергеевна, ваш муж неродной отец вашим детям?

– Поклеп, – быстро схватилась женщина, – у Дашутки глазки точь-в-точь в ихнюю породу, а Андрюшка вообще всей личиной в отца. Чистой воды поклеп! А кто вам сказал?

– Что сказал-то? – начал терять терпение Комаров.

– А что я детей не от Толика нагуляла?

– Так, все сначала, – схватился за голову Костя, – Толик – это ваш муж?

– Ну.

– Дашутка и Андрюшка – ваши общие дети?

– Ну.

– Так почему ваши дети сироты, если у них есть и отец, и мать?

– Так это я для жалости их так назвала, чтобы вас разжалобить. Вы разжалобитесь и быстрее супостата словите. Ой, быстрее, Константин Дмитриевич, быстрее, пока этот гад все деньги не пропил!

– Много денег? – участливо вздохнул Костя.

– Ой, много, – вздохнула женщина, – на машинку стиральную скопила, автоматическую. Слышали про такие? На кнопку нажимаешь, а она и постирает, и прополощет, и высушит – нате, получайте! По телевизору в рекламе порошков показывают. Давно уж коплю, сегодня хватилась – пусто! Ни копеечки не оставил, супоста-а-ат, – опять взвыла дурным голосом Людмила.

– Где он может быть сейчас?

– Да в городе же, – ночью еще уехал, к обеду вернется.

– Зачем уехал? По делам или просто так?

– Кто ж его просто так отпустит? Не выходные же. Детали выбивать. Там с утра надо, пораньше, чтобы очередь занять. Они детали получают – и сразу домой.

– Так куда же вы меня ведете? – как вкопанный, встал Костя, – если его точно нет в Но-Пасаране?

– Сама не знаю, – остановилась и Людмила, – вы власть, вы и решайте, куда идти и как похищенное родной жене вернуть.

– Вы только не волнуйтесь, Людмила Сергеевна, – вздохнул Комаров в предвкушении бури, – я постараюсь сделать все, что в моих силах.

«Какое там „не волнуйтесь!“ – думал он, шагая домой, – можно руку отдать на отсечение, что на стиральную машинку бедняжке придется начать копить снова».

Комаров в ужас приходил от того, какие суммы могли прогулять за один вечер местные мужики. И ладно бы, если деньги добывались легким трудом. Так нет! Работали до изнеможения, остервенело копили, а потом раз – и спускали все в каком-то бредовом, дурном угаре. И ничего с этим Комаров не мог поделаться. Ну, проведет он беседу, ну, посадит под свою ответственность на пару дней преступника в камеру, которая находилась при отделении, и все.

Да и сжал-то он их больше для сохранности, чем для наказания. Костя уже познакомился с сельской женщиной, когда она в ярости. Зрелище, надо вам сказать, занимательное. На первый взгляд, ничего особенного, среднего росточка, ни

грамма мускулов, а как рассвирепеет – спасайся, кто может. Под горячую руку может попасть и невинным, например, самому Комарову.

– Что-то надо придумать, – жаловался он Кириллу за завтраком, – кружки что-ли какие организовать или клубы.

– Ага, – хихикнул Кирилл, – Пиквикский клуб. Может, еще площадку для гольфа сделать?

– А почему нет? Местность позволяет, и почему, скажи на милость, только английские лорды имеют право играть в гольф? А наши но-пасаранцы должны только вкалывать в поте лица и пить беспробудно? И почему именно гольф? Вполне можно организовать бильярдную или играть в городки.

– Не горячись. Просто это не твоя работа, а культпросветработников. А ты должен ловить преступников и следить за порядком.

– И предотвращать преступления. А в деревне большинство преступлений – от пьянства. А пьянство – от скуки. А скука – от отсутствия элементарных развлечений. Даже кино, и то перестали показывать.

– Да-а-а, братец, – протянул Кирилл, – похоже, увяз ты порядочно. Я-то думал, что промаешься дурью пару месяцев и сбежишь. А ты, кажется, пока не проведешь маленькой революции, не успокоишься.

– Вот погоди, – не обиделся на сарказм брата Костя, – немного поживешь тут, сам уезжать не захочешь.

Уже к обеду Костя понял, что погорячился. Потому что желание все бросить и уехать возникло у него самого. Еще утром у него родилась мысль перехватить грешного воришку Толика и проконтролировать процесс страстной встречи супругов. Костя все утро выглядывал из окна в надежде увидеть машину, на которой уехал Толик. Мимо проезжал противно дребезжащий от старости автобус с доярками, два раза промаршировали туда и обратно пионеры из крошечной, но уже заслужившей уважение сельчан пионерской организации, прошмыгнул даже тот, кто выбрал Но-Пасаран для разворачивания свой преступной деятельности. Но Костя не обращал на них внимания. Он ждал Толика. Ждал, но все-таки прозевал момент его возвращения.

О битве в семействе Маркеловых Костя узнал от местной медсестры, выполняющей и роль фельдшера. Запыхавшаяся Калерия ворвалась в отделение с клубами морозного воздуха и выдохнула:

– Быстрее, Костя, а то поздно будет.

Костя поморщился. Не нравилось ему сегодня слово «поздно»! Но Калерия была не из тех, кто поднимает напрасную тревогу. Комаров накинул дубленку и выскочил за девушкой.

Калерии было за тридцать, и она была не замужем. Ее

нельзя было назвать красавицей, но человек, мельком бросивший на нее взгляд, оборачивался снова, сам не понимая, что же так привлекло его в этой высокой, статной девушке. И чем больше смотрел на Калерию этот человек, тем труднее было ему отвести от нее взгляд, тем больше достоинств находил он во всем ее облике. А уж те, кто был близко знаком с Калерией, видели за незаурядной внешностью не менее незаурядную душу и любили ее больше за характер – незлобивый, мягкий, сострадательный.

Девушка была несколько полной, но полнота ее отличалась от обычной бесконтрольной полноты. Пышной была грудь, округлыми – бедра, мягкими – руки. И сама она была подобна гитаре: такая же пьянящая, влекущая, полная музыки и звенящей глубины.

Двигалась Калерия легко, словно и не касалась ногами грешной земли. Без усталости могла пройти до райцентра и обратно – даже не разругается.

Вот и сейчас – Костя едва поспевал за девушкой. Дом Толика стоял далековато от отделения милиции, Комаров запыхался от быстрой ходьбы, а Калерии – хоть бы хны, только щеки порозовели.

И все-таки не зря торопила Калерия Комарова. Когда Костя растолкал группку любопытных, битва в доме Маркеловых уже была окончена. Комаров перешагнул порог и замер: весь пол в комнате был залит кровью. В том, что это была именно кровь, не было никакого сомнения, кое-какой опыт у

Кости все же был. Но кровь была какая-то не такая: жидкая, словно разбавленная, и пахла... Волосы на голове Комарова зашевелились. Только сейчас до него дошло, что в комнате стоял запах вареного мяса.

По самому краю комнаты, стараясь не наступать в жуткого вида лужу, Комаров протиснулся вслед за Калерией в другую комнату. Девушка уже хлопотала возле лежащего на кровати окровавленного мужчины.

– Потерпи, миленький, – нежно ворковала Людмила, сидящая в изголовье раненого. – Калерия уже пришла, сейчас тебя вылечит. Ты осторожно с ним, – строго предупредила она медсестру, – чтобы не больно. А то он у меня боль терпеть ну совсем не может! Такой нежный!

– Чем это ты его? – спросила Калерия, осматривая рану на голове, из которой еще сочилась кровь.

– Да, половником, – отмахнулась Людмила, – у него край острый, вот и рассекла.

– А бульоном-то зачем? – с укором посмотрела на нее Калерия.

– Завелась, – виновато опустила глаза Людмила, – мне же только начать. Уж и вижу, что кровь, а остановиться никак не могу. Схватила с плиты кастрюлю с бульоном – и на него.

– Вот откуда запах вареного мяса, – обреченно понял Костя, – вы сварили собственного мужа.

– Сварила я бульон, – упрямо повторила Людмила, – а на мужа почти не попала. Тренированный он у меня, увертли-

вый. Только на руку и плеснула.

– Ранка на голове небольшая, можно даже швы не накладывать. Крови много потому, что сосудик тут проходит. Кровотечение уже остановилось, а ожог сильный, – не стала разделять ее энтузиазма Калерия, – хорошо бы его в район отвезти, в больницу.

– Как в больницу? – замерла Людмила. – Не дам в больницу! а кто у кабанчика чистить будет? А кто снег с крыши обещал мне сбросить? Не дам в больницу.

– Ой, заберите меня, – подал признаки жизни раненый Толик, – не оставляйте меня наедине с этой фурией. Я сейчас слабый, сопротивления оказать не смогу. Добьет ведь.

– Не слушайте его, – мягко, но крепко положила руку на рот мужа Людмила, – что я, фашист что ли какой, раненых мужей добивать? Если скажет, на что деньги истратил, то и пальцем не трону.

– Да, тебе скажи, – заныл Толик, – ты не только меня, но и его прибьешь. А он – нежный, грубого обращения ну никак не терпит, в отличии от меня.

– Да скажешь ты мне, кто «он», или нет? – опять взвилась Людмила, – че-то купил, а мне не признается, – слезливо пожаловалась она Комарову, – и где спрятал, не говорит. Ну прям убила бы! Рыбьего Глаза на него нету!

«И эта про то же, – недовольно отметил про себя Комаров, – человек, можно сказать, кровью истекает, а она – шуточки шутить».

В этот момент женщина широко замахнулась на мужа, но на полпути вспомнила, что обещала его пока не добивать и остановилась.

– А может, он машинку и купил? – улыбнулась Калерия, – купил, а не говорит. Сюрприз готовит.

– Сразу видно, что замужем никогда не была, – уколола наивную девушку Людмила, – когда это мужья ценой собственного здоровья благородные поступки скрывали? Сюрприз! Знаешь ты, сколько сюрпризов эти супостаты в день преподносят! К тому же в школе у меня по русскому языку твердая четверка была. Если бы это была машинка, то он говорил бы «и ее прибьешь», а он говорит «его». Нет, не машинку. Если только какую машинку мужского рода не придумали. И то нереально. Даже машина мужского рода стирать не будет. Все они такие, мужики, хотя бы и автоматические. Говори быстро, на что деньги потратил, – вновь расвирипела она и хорошенько трянула за плечи супруга.

Супруг тоненько, театрально вскрикнул, вытращил глаза, немного повращал зрачками, издал протяжный, душераздирающий стон и затих.

– Чего это с ним? – с недоумением посмотрела на Калерию Людмила.

– В обморок упал, – пощупала пульс пострадавшего Калерия, – ты его трянула сильно, а он крови много потерял. К тому же болевой шок.

– И что теперь?

– Инвалидность, – едва сдерживая улыбку, предрекла Калерия.

– А кто же за кабанчиком убирать будет? – не поверила в страшное будущее Людмила.

– Ты и будешь. И за кабанчиком, и за мужем, и снег с крыши.

– Нет, я так не согласная, – испугалась женщина, – может, вылечишь? Мы же с тобой в одном классе учились. Помоги, я в накладе не останусь.

– Все от тебя теперь зависит, – строго произнесла Калерия, – я буду каждый день ходить, перевязки делать, а ты следи внимательно: не кружится ли голова у него, не тошнит ли. Вполне может быть сотрясение.

– От половника?

– Причем здесь половник? Сама же говоришь, что он упал, когда от бульона спасался. А самое главное – полный покой. Смотри, чтобы дети нервы не мотали. Не шумите при нем и не ругайтесь. Вот в себя немного придет – тогда уж и разбирайтесь, и допросы ведите. А сейчас, дня три как минимум, полный покой.

Калерия выгнала из комнаты Костю и Людмилу, привела в чувство Толика и сделала перевязку. Потом она рассказала Людмиле, как ухаживать за больным, попрощалась и увела с собой Комарова.

– О чем вы тут с ней говорили? – ревниво спросила мужа Людмила.

– Ни о чем. Лечила она меня, и все, – сурово ответил супруг.

– Только о лечении и говорили? – с сомнением в голосе переспросила Людмила.

– Ну. Она тебе сказала, что мне полезно водку пить?

– Водку? – всплеснула руками жена, – это зачем еще?

– Для скорейшего выздоровления и восстановления крови в организме. Вон сколько ты кровюки из меня выпустила.

– Так может, не водку пить нужно? Я слыхала, сок гранатовый или вино красное.

– Во-во, и вино тоже.

– Так может, скажешь, на что деньги истратил? – немного помолчав, попросила жена.

– Не, не скажу, – не сдавался муж, – вот пока не отлитуешь по полной программе, не скажу.

– Так я уже почти отлотовала. Видишь, добрая какая сижу.

– Не, еще не добрая.

– Ну хоть на какую букву?

– На какую букву не скажу, а намекнуть – намекну. Вещь хорошая. Все-все делать умеет. И я, и ты вместе взятые столько не умеем, сколько он может.

– И стирать? – всколыхнулась Людмила.

– Не, стирать не может, – казалось, сам удивился неумению стирать неведомой покупки Толик, – но научить стирать может.

– Кухонный комбайн, что ли? – неуверенно предположила Людмила.

– Бери выше, – торжествующе улыбнулся Толик, и видя, что жена действительно почти отлютовала, быстренько воспользовался моментом: – а теперь, сбегай-ка за красненьким! А то голова от потери крови кружится.

– Много вина-то надо? – подобревшим голосом поинтересовалась Людмила.

– По стакану на каждый потерянный миллиграмм крови, – авторитетно заявил больной, и для достоверности добавил: – только смотри, все сразу мне не давай. Это же не просто вино, а лекарство. Его и принимать надо как лекарство – по стакану четыре раза в день за полчаса до еды.

* * *

– Здорово она его, – сочувствующе произнес Комаров уже на улице, – даже сознание от боли потерял! Я бы сажал за такое.

– Не сажай, – усмехнулась Калерия, – никакого сознания он не терял. Я хоть и не профессор, а симуляцию от настоящего обморока отличить смогу.

– Так что же ты сразу не сказала? – остановился Костя.

– Жалко было, деньги-то он не на водку потратил. Вот пожалееет она его, полечит, может и не будет больно ругаться.

– Интересно, на что же потратил деньги Маркелов, – уста-

ло вздохнул Костя.

По правде сказать, усталость он сымитировал. Ему самому было до смерти интересно, на что спустил столь внушительную сумму муж Людмилы.

– На компьютер, – спокойно ответила Калерия.

– А ты откуда знаешь? – остановился Комаров.

Калерия рассказала, что когда она выставила из комнаты его с Людмилой, несчастный быстро пришел в себя и поведал медсестре всю правду. Оказывается, мечта купить хоть простенький компьютер давно точила бездушным червем его душу. А тут как раз с ними в поездку навязался директор школы – область выделила ему денег на покупку одного приличного компьютера в компанию к старенькому, выдавшему виды. Сам не понимая, что делает, Толик храбро залез в давно известный ему тайник жены и рассовал по карманам заветные пятидесятирублевки и сотни.

На фирме, где отоваривался директор школы, выбор был более, чем богатый. Нашлись компьютеры и для школы, и для Толика. Еще один человек, приехавший в город на той же машине, отоварился набором чистых дискет. Но об этом человеке Калерия ничего не сказала Комарову. Зачем? Покупка компьютера для школы – дело гораздо более важное, интересное и значимое. Оно символизирует стремительный бег прогресса. Оно готовит нас к тому времени, когда любой школьник будет управляться со сложнейшей машиной лучше, чем старушка со спицами. Или младенец с грудью.

Или кошка с оставленным без присмотра ведерком только что наловленных карпов. А что символизирует покупка набора чистых дискет человеком, выбравшим для воплощения в жизнь своих преступных целей совхоз имени Но-Пасарана?

* * *

Сегодня в сельпо было настоящее светопреставление: привоз даже в наше, обеспеченное продуктами питания время, есть привоз. И ни одна порядочная сельчанка не пропустит день привоза: в этот день и продукты свежее, и выбор больше, и более расторопные товарки не успеют захватить самую чистую крупу и самые дешевые конфеты.

Совершенно забудыжного вида мужичонка долго топтался возле прилавка, колеблясь, видимо, между двумя видами одинаково й по цене и качеству беленькой, потом решительно встал в очередь, чего местные гордые внуки Адама отродясь не дельвали.

– Мне вон тех, желтых, – робко попросил он тетю Наташу.

Тетя Наташа годилась многим покупателям в дочки, но раз заведено было звать продавщицу местного сельпо тетей, то все ее так и называли. Это была дань подзабытому «товарищ продавец», ну привыкли русские люди обращаться к торговой братии словосочетанием, и ничего поделывать с этим было нельзя.

– «Лимонной», что ли? – не поняла тетя Наташа, – она дорогая. Возьми лучше «Забойную».

– Не, даже притопнул ногой от досады мужик, – мне конфеток. Шоколадных, – почти шепотом добавил он, побледнев от столь крамольного желания.

– Да ты че? – не сдавалась продавщица, – разве это закуска? Вон сырки «Дружба» залежались, самое оно для этого дела. Да паштет шпротный скоро просрочится. Нет, ты как хочешь, а «Лимонных» не дам. Бабам их для хорошего дела не хватает, а ты самогонку заедать.

– Да не на закуску мне, – прохрипел совсем скурежившийся мужичок, – мне для этого... Другого дела.

– А-а-а, – протянула тетя Наташа, с интересом разглядывая мужичка, – и ты влип. Тогда тебе тем более не «Лимонных» надо. Они соевые, соевые не пойдут.

– Как соевые? Кориченные же сверху, – прорезался голос у покупателя.

– Коричневые, да не шоколадные. Дерьмо тоже коричневое. Тебе вон тех надо, рублей за семьдесят. А еще лучше, купи «Красных шапочек». Дорогие, зато надежные. Зараз отлипнет.

– «Шапочек»? Почему они?

– Сто двадцать. Кило, как обычно?

– Ты че? Сто двадцать! Это же почти три «Забойных»! Может, все-таки «Лимонные» сойдут?

– Ни-за-что! Только зря потратишься. Все равно шоко-

ладных покупать придется. Я-то уж знаю, не ты первый, не ты последний. Слушай, я знаю, твоя Петровна «Ромашки» уважает. Они и не дорогие. Бери «Ромашки», и иди, очередь собрал.

Мужик оглянулся. За ним действительно стояло человек пять. Люди стояли молча, с интересом вникая в суть беседы продавщицы с покупателем.

– Давай «Ромашек», – согласился мужик, чтобы быстрее окончить эту пытку. – В мой пакет.

Расплатившись, он спрятал целофановый мешок с добычей за полу засаленного пиджачонки и выскользнул за дверь.

– Хоть бы и мой налево сходил что ли, – хохотнула бабенка из очереди, – давно настоящими шоколадными не баловалась.

Три дня назад мужик действительно сходил налево. И сходил-то неудачно, по-пьяной лавочке, ни удовольствия, ни воспоминаний. А кило шоколаду все равно покупай! ЕМУ неважно, было удовольствие, или нет. ЕМУ главное – расплата.

Глава 3

О умных козлах и непокорных мужьях

На таможенный пост Бес прибыл ночью. Ночь была безветренная, морозная, светлая. Звезды в небе, словно старые сплетницы, сгрудились в созвездия и с холодным интересом заглядывали в глаза Бесу. Ближе к линии горизонта звезд было меньше, на каком-то этапе они вообще пропадали, а потом появлялись снова, но уже в гораздо меньшем количестве и худшем качестве. А впрочем, это уже были не звезды, а огни Но-Пасарана.

Если бы Бес был романтиком, он бы решил, что вся эта картина сильно смахивает на иллюстрацию к сказке Гоголя. Но Бес ни в малейшей степени не страдал этой дамской болезнью, поэтому не особенно удивился даже нелогичному, если не сказать больше, поведению таможенника, который молча и зло протирал ветровые стекла каждому задерживаемому автомобилю.

Бес еще раз окинул взглядом небо, посмотрел на странного таможенника и коротко, только для себя произнес:

– Мне здесь нравится.

Уже в дороге он решил, что по сути, судьба сама подобострастно расстелила перед ним ковровую дорожку к вопло-

щению его планов. И действительно: зачем делать то, что он хотел сделать явно, когда это можно сделать скрытно? Зверь всегда сильнее, если он до поры, до времени невидим другими.

Бес великолепно умел двигаться в темноте. Глаза его еще верно служили свою службу, интуиция могла сравниться разве только что с бортовым компьютером космической станции. Поэтому он почти без плутаний нашел то, что искал. Бес немного взлохматил волосы, лег на снег, покрутился, встал соорудил жалкую мину и постучался в дверь. Над дверью мигала веселеньким, но неисправным неоновым вывеска «Улыбка».

* * *

Приближалось время обеда, и Костя отправился по направлению к своему дому. Обедал он на квартире. Во-первых, от отделения милиции до дома было всего ничего ходьбы. Во-вторых, его квартирная хозяйка, Анна Васильевна, с удовольствием готовила для постояльца за вполне уверенную плату, в-третьих, если бы Костя обедал вне дома, то и Печной дед оставался бы голодным, так как Анна Васильевна и не догадывалась о том, где скрывается от нее непокорный свекор и что он уминает ее борщи наравне с постояльцем. В-четвертых, рабочий график Комарова был свободный, если бы он сутками сидел в кабинете и ждал поступ-

ления жалоб, то быстро бы обленился, растолстел и стал бы походить на равнодушного ко всему, кроме сала Ведерко. Впятых, сегодня приехал Кирилл, и Косте не терпелось продолжить вчерашний спор.

Уже подходя к забору, Комаров услышал голос брата.

– Пропустишь ты меня, или нет, скотина безмозглая.

Кирилл был явно раздражен. Вслед за словами послышался топот, звук падающего тела и легкий стон.

– Пошел вон! Весь кобчик из-за тебя отбил. Выпустишь ты меня, или нет? Ну нет у меня сена, или что вы там любите, нет. Хочешь конфетку? Не хочешь? Пропусти! Брысь, фу, тпру, кыш, вон отсюда! Как вас там еще прогоняют?

Костя подошел к самому забору, встал на цыпочки и заглянул во двор. На скользком, заледеневшем пяточке лежал, приподнявшись на локтях, Кирилл. На расстоянии вытянутой ноги от него стоял Мухтар. Козел наклонил голову с загнутыми рогами и строго взирал на брата хозяина.

– Ко мне, Мухтар, – тихо сказал Костя, не заходя во двор.

Кирилл и козел одновременно повернули голову в направлении голоса. Взгляд козла несколько подобрел, хвостик-капелька радостно задергался при виде хозяина. Но от жертвы своей он не отошел ни на шаг.

– Это свой, Мухтар, вольно, – скомандовал Костя.

Мухтар внимательно наклонил голову, пристально посмотрел Кириллу в глаза и снова перевел взгляд на хозяина.

– Свой, свой, брат это мой, Кирилл, – терпеливо объяснял

ему Костя.

Только после десятикратного повторения команды «свой» Мухтар соблаговолит отойти от поверженной жертвы. Костя зашел во двор, потрепал верного козла по холке и показал на Кирилла:

– Запомни, Мухтар, это – друг. Слушайся его, как меня. Или хотя бы как Калерию. Понял? Как меня или Калерию!

Козел немного подумал и резко дернул головой. Костя принял это дерганье за кивок, оставил напарника в покое и подошел к брату.

– Не больно он тебя?

– Ты что, думаешь, что я позволю какому-то козлу положить меня на обе лопатки? – обиделся Кирилл, – просто я поскользнулся. А ты что, серьезно с ним разговаривал?

– Конечно, серьезно!

– И ты думаешь, он тебя понял?

– Это очень умный козел, – попытался втолковать брату Костя, – он не только команды многие знает, но и слова понимает. Вот ты думаешь, почему он на тебя напал?

– Думаю, – глубокомысленно потер Кирилл лоб пальцем, – что напал он на меня по причине склочности характера и злобности натуры.

– А вот и нет! Он видел, что ты вышел из моего дома в мое отсутствие и попытался задержать тебя. Задержать, как хорошо обученная овчарка.

– Здрости! – развел руками Кирилл, – ты еще скажи, что

используешь эту скотину в качестве служебной собаки!

Ответить Костя не успел, потому что Мухтар неожиданно резво подскочил к Кириллу и попытался ударить его в живот копытом.

– Вот видишь? – воскликнул Кирилл, прячась от неожиданности за Костю, – а чего он сейчас на меня наезжает? Хозяин же дома!

– Он не наезжает, – едва сдерживал смех Костя, – он тебе лапу подает, как своему. Ты же сам сказал «здрости». А воспитанные существа отвечают на приветствие, даже если они облечены в шкуру козла.

– Лапу? – озадаченно переспросил Кирилл, – скажешь тоже.

– Попробуй еще раз.

– Здрости, – с неверием в голосе попробовал Кирилл.

Мухтар так же резво взбрыкнул копытцем, пытаясь попасть в руку Кирилла. Кирилл неуверенно покачал козлиную лапу и с недоумением посмотрел в глаза брата:

– Ты меня разыгрываешь?

– Отчего ты взял?

– Такого просто не может быть. Здесь какой-то фокус, мистификация.

– Мухтар, лежать, – вместо ответа scomандовал Костя.

Козел послушно лег, поджав под себя передние лапы и равнодушно отвернув в сторону голову с тяжелыми рогами.

– Мухтар, встать!

Козел глубоко вздохнул, с укором взглянул на хозяина и неохотно встал.

– Ко мне, Мухтар.

Козел подошел к хозяину и ткнулся ему в ладонь влажным прохладным носом.

– Мухтар, след, – совсем зарвался Костя.

Козел поднял на него свои полные вековой мудрости глаза, немного погипнотизировал хозяина взглядом, потом повернулся спиной и отошел в дальний угол забора.

– След, Мухтар, – топнул ногой Комаров.

– Оставь животное в покое, – получил неожиданную поддержку Кирилла Мухтар, – лучше научись конкретнее выражать свои требования. Какой след? Ты даже на запах его не сориентировал.

Кирилл аплодировал. Костя торжествовал. И только Мухтар был недоволен. Одно дело – когда приходится изображать из себя собачку ради дела. Совсем другое – когда ради удовлетворения самолюбия хозяина. Совсем другое. Мухтар – не пустоголовая дрессированная собачка. Он – напарник. Чтобы хозяин не забывал об этом, козел лениво, но с достоинством подошел к почтовому ящику, подцепил рогами крышку и достал мягкими послушными губами районную газету «Труженика мирный труд» и белый, немного помятый конверт. Медленно, с достоинством приблизился Мухтар к хозяину, и нарочито равнодушно глядя вбок, протянул ему почту.

– Кажется, тебе письмо, – констатировал Кирилл.

«Плоха работаете, товарищи милиционеры», – начиналось письмо уже известной Косте фразой.

– Опять! – поморщился Комаров.

– Что такое? – подошел поближе Кирилл.

– Понимаешь, в чем-то ты прав. Я имею в виду те минусы, которые мешают работе участкового инспектора. Вот например, анонимки. С одной стороны, я имею право не реагировать на анонимные заявления. С другой, чисто по-человечески, не могу не обращать на них внимания. Девяносто процентов анонимок – просто мелкая месть подруге или плод зависти к более удачливому соседу. Девять – бред воспаленного воображения. И только один процент может содержать в себе действительно ценную информацию.

– К какому разряду ты относишь эту?

– К полному бреду. И, кстати, очень назойливому бреду. Точно такую анонимку, слово в слово, я получил перед самым твоим приездом.

– Посмотреть можно? Как иллюстрацию полного бреда?

Вместо ответа Костя молча протянул Кириллу письмо.

– Первый класс, вторая четверть, – мгновенно прокомментировал Кирилл.

– В каком смысле?

– В смысле грамотности.

Костя наблюдал за реакцией брата. Сначала на лице его лежало выражение сарказма, свойственное школьным от-

личникам при виде вопиющей безграмотности. Потом в глазах появился оттенок недоумения, сменившийся искрой острого интереса. Кирилл поднял глаза на брата:

– Ты действительно не знаешь этого анонимщика?

– Что я его, вычислять должен? Других дел у меня мало.

– Забавно, – проговорил Кирилл и немного помолчал, словно взвешивая свои мысли на чаше весов. – Видишь ли брат, дело в том, что в этой анонимке будто грубо зашифрованы названия банков, ограбленных неуловимым московским хакером. И названы они в той очередности, в какой подали заявления.

– Чушь собачья, – протянул Костя руку за листом бумаги с каракулями, – что тут может быть зашифровано? Здесь указаны так называемые жертвы, и все они живут в нашем совхозе. Я сам обходил «пострадавших», все они подтвердили факт краж, но от подачи заявлений отказались, так как не считают эти кражи существенными потерями для семейного бюджета. Вот смотри сам – у местного электрика, а он у нас один на весь совхоз, на прошлой неделе из частотола пять колец выдернули.

– «Электроника», – тихо, словно про себя произнес Кирилл.

– У бабки Онежской шлагбаум из коровника пропал. Я проверял, шлагбаум изъяли таможенники. И правильно сделали, до того, как он попал в коровник, он стоял на одной из дорог, на пересечении границ России и Казахстана. И это,

кстати, не в первый раз. Наши сельчане больно уж охочи до шлагбаумов, они вместо дырна в коровниках хорошо идут. Одно дело корову выпускать с дырном – сними его, потом опять положи, а другое – со шлагбаумом. И аккуратно, и красиво, и престижно.

– «Онежск-инвест», – не уловил иронии в голосе брата Кирилл.

– Может, ты еще скажешь, что исчезновение кошки у Помировых как-то связано с международной мафией?

– «Памир», – победно взглянул на брата Кирилл.

Костя взял из рук брата письмо и еще раз внимательно прочел его.

– Черт! А ведь действительно. Слишком много совпадений.

– Ты хочешь сказать, что московский хакер на самом деле скрывается в Но-Пасаране? – «озвучил» Кирилл свою сумасбродную идею.

– Это нереально. Скорее всего, либо произошла утечка информации из прокуратулы, либо из самой банды. ты представь: в Но-Пасаране может жить какой-нибудь родственник бандита или оперативника. Тот, рассчитывая на удаленность села от центра, может смалодушничать и похвастать – в письме или как – перед деревенскими родственниками, как ты передо мной, например. А какой-нибудь старый дед, типа нашего Печного, услышать и переиначить все по-своему.

– В любом случае – анонимщика надо изловить и опро-

силь. Если информация исходит из прокуратуры – это одно, а если от одного из членов банды – другое. Ты можешь его вычислить?

– Трудно, но я попробую. У меня уже был опыт. Одного анонимщика я нашел за пару дней.

– Как? – заинтересовался Кирилл.

– И не надейся. Никакого сверххитрого приема я тебе не открою. Рутинка, рутинка и еще раз рутинка. Просмотрел личные дела работников мелькрупкомбината, в каждом из них есть заявление о приеме на работу, написанное рукой служащего. Сходил на ферму, в колонию, то есть во все места, где работают но-пасаранцы и где можно раздобыть образцы их почерков. Побывал даже на почте и в школе!

– И нашел?

– А как же! Почерк был характерный, даже графологической экспертизы не понадобилось. Тем более искал я кляузника, а не преступника.

– Может такое быть, чтобы анонимки писал один человек?

– Нет. Старые писала Анфиса Афанасьевна Белокурова, ее руку я хорошо знаю. И дама она вполне грамотная, ошибок почти не делает. Если только...

– Что?

– Если только она не заставила написать анонимку одного из своих многочисленных потомков. Правда, есть одно «но». Все предыдущие кляузы были направлены против меня, а эта – против каких-то электриков, гор и кошек. И идти, если

честно, мне к ней не хочется.

– Что, сложный характер у дамы?

– Еще какой!

Костя вкратце поведал брату историю своей конфронтации с Белокуровой. Мадам Белокурова служила на мель-крупкомбинате главбухом и держала в ежовых рукавицах всю свою бесчисленную семью, начиная с мужа – милого, кроткого и хрупкого водителя Ивана Федоровича – и заканчивая годовалой Бритни Белокуровой. Детей своих, в порядке аристократизации породы, называла не по-деревенски звучно и вычурно, фамилию при замужестве оставила свою, и не просто отставила, но и заставила мужа, робкого своего Ваню, отказаться от своей родовой незвучной фамилии Крузенштерн и взять фамилию супруги. Единственный, кто мог противостоять злобной семейной тирании Белокуровой, была старшая дочь ее Калерия. Силищей Калерия обладала непомерной, поэтому ни ремень, ни скалку против нее мамаша поднимать не рисковала, кто ее знает, эту Калерию, отмахнется ненароком, зашибет.

Именно для Калерии-то и присмотрела заботливая мать нового участкового – некрупного, миловидного, незлобливого, интеллигентного, почти как ее Ваня в молодости. Единственный минус, которое обнаружила в нем несостоявшаяся теща, так это стойкое сопротивление своему счастью. Ваня-то капитулировал без боя, а этот не просто отбил первую атаку, но и посмел решительно и навсегда растоптать планы

Белокуровой.

Анфиса Афанасьевна возненавидела Костю так, как могут ненавидеть только женщины, которым сломали их планы, и поклялась известить его на корню. Правда, клятву свою исполняла она довольно вяло — довольствовалась только анонимками и сплетнями, в щедром количестве распускаемыми по Но-Пасарану. Но анонимки ее были столь злобны и надуманы, что начальство только делало Косте устное замечание и отпускало на свободу. А сплетни к Косте прилипали плохо, жили недолго, и вскоре почивали с миром или находили себе более достойных хозяев.

Впрочем, нельзя было упрекать милейшую Анфису Белокурову в столь робких боевых выпадах против своего врага. Не стоит забывать, что на шее ее сидела огромная семья, муж-недотепа, прожорливая вредная бабка и старая дева Калерия. Всех надо было накормить, у всех проверить дневники и карманы, всех направить на путь истинный.

Правда, Костю и Калерию часто видели вместе. Калерия испытывала к юноше непонятное ей самой теплое, требующее активных действий чувство. Ей хотелось защитить жаром своего тела Комарова от зимних беспощадных холодов, прикрыть своей грудью от жалящих бестолковых пуль, вынести его из пылающего строения и вернуть к жизни с помощью приемов первой медицинской помощи, создать ему тень своим телом во время летнего испепеляющего зноя.

Комаров же сам не мог понять своего отношения к Кале-

рии. С одной стороны, ему постоянно требовалось ее присутствие. Когда Калерия была рядом, он чувствовал себя чем-то вроде цыпленка под крылом курицы. Тепло, сытно, безопасно. Костя еще помнил: такое чувство он испытывал рядом с матерью в далеких, смутных картинках детства. В этих картинках мама была чем-то вроде прекрасной, доброй богини. Она была огромна, она с нежной улыбкой на лице могла поднять Комарова на руки, и голос ее при этом даже не дрогнул бы, а на лице не появилось бы и тени физического напряжения. С высоты своего гигантского роста наклонялась мама к Костику и говорила что-то очень хорошее, умное и значительное, например, отправляла мыть руки или есть кашу. И Комаров послушно шел в темную ванную и мылил руки ромашковым мылом, потому что ему и в голову не приходило, что приказания богинь могут повергнуться сомнениям.

С годами картинки из детства становились уже не такими размазанными, голос мамы начинал походить на голос обычного человека и звучал уже не гулко, а вполне чисто и звонко. А сама мама становилась все ниже, все человечнее. Пока не стала обыкновенной, доброй, умной, любящей мамой, а не богиней.

А вот Калерия... Костя часто ловил себя на мысли, что она очень напоминает ему богиню из детства. Когда Комаров ловил себя на этих мыслях, он злился, негодовал, пытался с помощью самовнушения избавиться от навязчивого ощущения. Ему было неприятно, что он, взрослый, самосто-

ательный мужчина ощущает себя желтым цыпленком рядом с обыкновенной сельской медсестрой. Но чем больше он общался с Калерией, тем больше попадал под обаяние этой девушки-спрута, как однажды назвал ее Костя.

Народное же мнение Но-Пасарана быстренько «просвятило» Комарова и Калерию в своих лавочных разговорах, посплетничал, пословоблудил и успокоился. А чего беспокоиться, если в отношениях молоденького участкового и зрелой медсестры не предвидится никакой динамики? Пусть уж живут, как им нравится. Если и мелькнет в этой дружбе что-то новенькое и душераздирающее, село узнает об этом чуть ли не раньше их самих.

Но даже вездесущий Но-Пасаран не догадывался, что то место в сердце Комарова, которое было отведено под нежные чувства к противоположному полу, было занято почти с первого дня работы Кости в Но-Пасаране. И занято оно было отнюдь не образом Калерии.

Впрочем, в своем рассказе о Анфисе Белокуровой Костя ни словом не упомянул о дочери ее Калерии. Попади эти сведения Кириллу на язычок – засмеет. Не запутанный узел этого треугольника волновал сейчас Комарова. Его волновала встреча с Анфисой Белокуровой, как с предполагаемым автором анонимного письма. Конечно, маловероятно было бы, если бы неуловимый хакер оказался бы жителем Но-Пасарана. И не просто маловероятно, а забавно, как заметил Кирилл. Маловероятно так же, чтобы в затерянное в рос-

сийской глубинке село просочились сведения о ограбляемых столичных банках. И все же, все же, все же...

Костя уже совсем было собрался к Анфисе Афанасьевне, как мимо окон его дома с лязгом и грохотом протащился трактор грешного Толика. Голова и рука несчастного белели стерильными повязками, сделанными еще Калерией, выражение лица было напряженное и несколько испуганное. Рядом с трактором, немного левее, семенила Людмила. И не просто бездейственно семенила. В правой руке ее воинственно расположилась скалка-наголо, древнее и безотказное оружие против сильного пола, выдержавшее даже конкуренцию бейсбольной биты. Биту, конечно, удобнее держать в руке, но зато она несравненно дороже и не всегда бывает в сельпо. Откуда, скажите на милость, может взяться бейсбольная бита в совхозе имени Но-Пасарана, скромно приютившемся на границе России и Казахстана? И последний, главный аргумент в защиту скалки тот, что не существует женщины, в доме которой не было бы скалки. А тех, на кухне которых не наблюдается биты, сколько угодно. Пальцев на руках не хватит.

Скалкой Людмила пыталась разбить стекло кабины трактора, но дальше бесполезных смешных подскоков дело не шло. Один из редких минусов скалки против биты – ее неудобно бросать. Да и жалко. Не в каждом доме есть несколько скалок! Попадет под колеса трактора – и нет ее. А без скалки в доме никак нельзя, в отличии от биты.

Свои подскоки Людмила сопровождала нелестными комментариями в адрес супруга. В чем заключались эти комментарии, Костя не слышал по причине закрытых окон, но то, что они были нелестными, понял, применив дедуктивный метод. На этот факт указывали действия скалкой и выражение лица. В отличие от напряженного и испуганного лица мужа, лицо Тамары было расслабленным и храбрым. С таким лицом обычно комплименты не говорят.

– Начинаяте обедать без меня, – на ходу скомандовал Костя, – вернусь через пару минут.

Через пару минут он не вернулся. Оказалось, что Толик признался жене в покупке компьютера. На признание последовала адекватная реакция, Толик, зная невоздержанный нрав любимой, попытался скрыться на своем стальном мустанге, а Людмила требовала выдать ей конспиративную квартиру, на которой скрывалось яблоко семейного раздора, хорошенький, серенький, умненький, но не умеющий стирать белье «Пентиум -3».

Предотвращал смертоубийство Костя до вечера. Сошлись на том, что жена не будет пытаться мужа на предмет местонахождения компьютера, а Толик за это сдаст машину обратно. После того, как окончательно выздоровеет конечно. Естественно, обещание избавиться от желанной покупки не было дано Толиком в трезвом уме и твердой памяти. Скорее это был небольшой стратегический маневр, шаг назад – два шага вперед, как сказал бы классик марксизма-ленинизма.

Мужчины не отличаются быстрым реагированием в семейных разборках, в отличие от женщин, слывущими мастерами высшего пилотажа в этом деле, но дайте только им время! Они обведут вокруг пальца даже самую проницательную супругу. И даже могут сделать так, что она почувствует себя виноватой. Хотя и не признается.

Так что вернулся Костя уже к вечеру. Дома он застал прелюбопытнейшую картину: за столом, красиво уставленным всякой всячиной, сидели напротив друг-друга Кирилл и Печной. Оба они молчали, лишь звучно тянули из блюдец чай цвета темного янтаря и уминали пирожки размером с добрый лапоть.

Колоритный дед в валенках, довольный Кирилл, самовар на столе – все это смахивало на ярко размалеванную лубочную картинку. Завершением сюжета послужило копыто, выглядывающее из-за длинной скатерти.

– А это еще что?

– Козлик замерз, вот я и пустил его погреться, – объяснил Кирилл, – никогда не думал, что козлы так пироги любят!

– Да ты что? Кто же это козлов в дом пускает?

– Да ведь это не обычный козел, а разумный! – не согласился Кирилл, – ему должно быть унижительно стоять в стойле. Тем более, что стойла я у тебя во дворе так и не нашел.

– Он в сарае ночует, – ответил Костя. – И все равно не дело: приучишь, так и будет в дом проситься. А он, все-таки, не моется.

– Да брось ты, – отмахнулся Кирилл, – садись лучше чай пить. Так и не пообедал сегодня.

Костя вспомнил, что благодаря семейным дразгмам Но-Пасаранцев действительно сегодня не пообедал и громко сглотнул слюну.

– Откуда пироги? – спросил он после того, как затолкал в себя по меньшей мере шесть таких лаптей.

– Дед говорит, что какая-то Калерия принесла. Меня как раз не было, я прогуляться выходил. Прихожу – а на столе целый тазик с этими монстрами. Я сначала испугался, а как попробовал, так и оторваться не смог. Даже мама таких не печет.

– Калерия еще и не так может! – прихвастнул Костя, – ты еще ее борща не ел.

– Так, – постучал по столу пальцем Кирилл, – на авансцене появилась некая Калерия. Судя по тому, что дед называет ее девушкой, а ты не зовешь по отчеству, данная леди не так уж и стара.

– Тридцать лет, – краснея, выдал Костя.

– Судя по тому, как вы, братец, покраснели, с этой Калерией вас связывают не только любовь к пирожкам. А судя по необыкновенному вкусу пирожков, она должна быть страшна, как смерть. Красивая женщина не будет тратить жизнь на постижение кухонного мастерства. Кстати, она не замужем?

Нет. Значит, еще и старая дева. Да-а-а, не думал, не думал.

А как же Аленка?

Такие словесные перепалки не были редкостью между братьями. Как только научились они говорить, так и пошло. Костя скажет «нет», Кирилл – «да». Костя позовет «мама», Кирилл верещит «папа». Костя предлагает брату сушку «на», Кирилл отрицательно качает головой и протягивает брату точно такую же сушку.

А об Аленке разговор особый. Еще в четыре года маленький Костя влюбился в девочку из книжки – некую Аленку, совершенно и безукоризненно идеальную девочку, которая сочетала в себе неземной красоты сарафан горохами, огромные голубые глазищи и необычайную домовитость. Костя растил, холил, лелеял в себе это чувство, и ближе к пяти годам поведал он нем брату. Кирилл пристально рассмотрел картинку, фыркнул и обозвал идеал Кости длинно и презрительно: «фу-ты-ну-ту-ножки-гнуты». Костя вырвал у него книжку, с трепетом посмотрел на ноги Аленки и со всей силы двинул кулаком в конопатый нос брата.

Так, кровью, смыл он оскорбление, нанесенное любимой. Но и эта драка была не последняя. И до сих пор Кирилл не упускал момента, чтобы не поддразнить брата несуществующей возлюбленной. Что бы он сказал, если бы узнал, что именно в Но-Пасаране Костя встретил девочку, как две капли воды похожую на Аленку и внешне, и по характеру? И что учится эта девочка в одиннадцатом классе средней но-пасаранской школы и прозывается даже лучше, чем в книжке – Василиса Куркулева. Но об этом Костя не говорил никому.

Даже себе. Вслух, конечно. В уме он часто рисовал картины прогулок по Млечному Пути с этой необыкновенной девушкой, длинные, задушевные диспуты по поводу воспитания собак и детей.

* * *

– Киса-киса-киса, – ласковым голоском взывала полная тетка в синем халате.

На зов ее сначала неуверенно, а потом все смелее стекались кошки: толстый, пушистый мышиной масти кот, полосатый поленообразный подросток-котенок, трехцветная, с торчащими мослами кошка. В ногах тетки стояла гнутая алюминиевая миска, больше напоминающая маленький тазик.

– Да уж идите, чего там, – махнула рукой тетка.

От ее резкого движения кошки было отпрянули, но содержимое миски, слегка парящее на морозе, было столь соблазнительно, что противостоять голоду больше не было сил. Кошки припали к еде, оглушительно урча от удовольствия. Время от времени они искоса поглядывали на тетку.

– Жрите, жрите, – вздохнула она, – чего уж там, виновата.

Пару недель назад тетка отравила соседскую кошку – просто так отравила, из вредности. Повздорила с соседкой, вот и отомстила таким незатейливым способом. Через два дня, правда, женщины помирились – хозяйка кошки зашла к отравительнице узнать, не видала ли она ее Мурку. Зашла,

и к досаде своей расплакалась, любила она кошку, ласковая Мурка была, всегда понимала, когда хозяйке плохо, понимала и по-своему, по-кошачьи, жалела. Та, что отравила ее кошку, пожалела соседку, но признаваться не стала – еще чего!

Никто ж не узнает.

А спустя еще день нашла отравительница на своем крыльце белый конверт, адресованный ей. С тех пор и кормит кошек ежедневно. Всех кормит, независимо от их кошачьей прописки и характера хозяев.

Глава 4

Гадость трофейная

Нет ничего загадочнее, чем сердце русской пенсионерки. Чего стоят перед этим сердцем сердца коварных красоток, жестоких ловеласов, избалованных звезд? В этом сердце сочетается мудрость склепов с совершенно младенческой потребностью к шалостям. Царственная снисходительность и мелочные поиски соринки в чужом глазу. Суетливое желание все успеть в этой жизни и уверенная леноватость заслужившего на нее право человека.

Интуиция не подвела Беса. В момент, когда он попал в «Улыбку», старушки как раз находились под впечатлением только что прочслушанной на стареньком проигрывателе пластинки с записью сказки Андерсена «Гадкий утенок». Сердца в их иссохшей груди сжимались от страха, когда жизни лебеденка угрожала опасность, обливались горячими слезами, когда его вышвыривали из коллектива в непогоду, расправлялись и бились ритмично и молодо, когда лебедина стая приняла отверженного. Уставший, вывалянный в снегу Бес, возникший на пороге их скромной обители поздней ночью, привиделся им тем самым утенком. И деятельные сердца бабулек забились в унисон, движимые одним желанием: приголубить, накормить, обогреть.

Может быть мотив, толкнувший их на этот поступок, и не был столь благороден: например, они мелочно рассчитывали на то, что жалкий замерзший Бес, подобно Гадкому Утенку, когда-нибудь превратиться в Ангела, а какому дому престарелых помешает лишний ангел? В общем, нет смысла копаться в мотивах, толкнувших бабуся на этот безумно-благородный поступок. Для нас важно лишь то, что они умолили заведующую оставить бесприютного странника на житьельство в «Улыбке» на ставке дворника и даже поставить его на довольствие.

* * *

– Я говорю, что это у тебя? – прервал мысли Кости о Аленке-Василисе Кирилл, – третий раз кричу, не докричусь.

– Он такой, только с третьего разу понимает, – совершил маленькое предательство Печной.

– Вы о чем? – очнулся Костя.

– О роскошных горошках на твоей физиономии, – пояснил Кирилл, – ты в зеркало сегодня смотрелся?

Костя подошел к стене, на которой висело старое, все в ржавых точках зеркалу, и пристально посмотрел себе в глаза. С глазами было все в порядке, но вот со всем остальным намечались явные проблемы. Нос, щеки, подбородок – все было усеяно ровными, розовыми кружочками.

– Мама, что это? – испугался Костя.

– Сыпь, – вынес приговор Кирилл.

– Или оспа, – порадовался за постояльца Печной. – Говорил я тебе: не обижай старца, Рыбий Глаз – он все видит. Вот и покарал. Ишо и материально надо – купишь мне кило зефиру, как есть все пройдет.

– И что, я такой некрасивый с утра народ пугаю? – не обиделся на шутку деда Костик.

– Кажется, ни утром, ни в обед еще ничего не было, – не очень уверенно ответил Кирилл.

– И надолго это?

– Так или иначе, до завтра это безобразие не пройдет, – пообещал Кирилл.

– И как же я на работу ходить буду? – приуныл Костя, – участковому не положено с сыпью ходить.

– А ты их, гаденышей, зеленкой, – посоветовал Печной, – как зеленка смывается, так и прыщи пройдут. Если это не оспа, конечно.

– И скоро они пройдут с зеленкой? – недоверчиво поинтересовался Костя.

– Если зеленку не обновлять, то через неделю, – пообещал Печной, – а если обновлять, то не скоро ишо. Пока зеленка, в общем, не кончится. И то при условии, если в аптеку за новой не бегать. А лучше всего, не зеленкой, а зефиру купить.

– И как я теперь работать буду? – с унынием в голосе поинтересовался Комаров.

– Не дрейфь, братишка, – пожалел его Кирилл, – может

еще к утру побледнеют.

К утру горошки не побледнели.

Первая мысль, посетившая Костину голову при пробуждении, была о том, что вчера случилось нечто плохое.

«Кирилл приехал? – перебирал в уме Костя, не открывая глаз, – это хорошее. Виктор Августинович не приехал? Это плохое, но не очень, придет позже. Маркеловы передрались? Это тоже ничего, ранений, несовместимых с жизнью нет, и то ладно. К Белокуровой надо сходить? Тоже справимся, не впервой. Что же? А! Прыщи! Может, приснилось?»

Костя скатился с кровати, и подбежал к зеркалу, протер еще слипающиеся спрpsonья глаза и попытался рассмотреть в зеркало свою физиономию. Он не хотел будить Кирилла, но в темноте рассмотреть себя было совершенно невозможно, поэтому Косте пришлось включить свет. Костя глянул в зеркало и отшатнулся.

– Нет, не может быть, – пробормотал он и предпринял вторую попытку.

Из зеркала на него смотрело совершенно постороннее чудовище с Костиными вихрами и его же глазами. Все остальное было совсем не Костино, а какого-то Шварценегера в боевом раскрасе. Еще не веря во все происшедшее, Комаров коснулся пальцами щеки, провел по подбородку, несколько раз открыл и закрыл глаза. Ему не показалось. Все лицо его было беспорядочно вымазано зеленкой, сквозь изумрудного цвета пятна и полосы алели вчерашние пятна.

– Кирилл! – не своим голосом взревел Костя, – я убью тебя, Кирилл!

Кирилл, не открывая глаз, спустил босые ноги с кровати.

– Опять за старое? – лютовал Костя, – в детстве – пастой, лаком маминым для ногтей, теперь на зеленку перешел?

Кирилл, наконец-то открыл глаза, с удивлением посмотрел на брата и зашелся в мелком, дробном смехе.

– Ой, не могу, краса и гордость нашего зоопарка – крокодил в пятнышко. Как это тебя угораздило?

– Лучше честно признайся, – чуть не плакал Костя. – Ну как я в таком виде на работу покажусь? Я же авторитет в совхозе, мне нельзя смешным быть!

Кирилл не отвечал. Он просто не мог ответить, на него напал жесточайший приступ икоты, перемежающийся всхлипываниями и постанываниями.

– Ну, держись, – окончательно рассвирепел Комаров.

В школе милиции братья с удовольствием занимались самбо. В Но-Пасаране не на ком было отрабатывать технику, и Костя воспользовался подвернувшейся ему возможностью совместить месть и повторение пары приемов.

Избу наполнили грохот, пыхтение, мелькание рук и ног. Спустя пару минут Костя получил почти полное удовлетворение. Вид поверженного наземь брата немного сгладил обиду и злость от его неудачной шутки. Костя сам подал ему руку, и в этот момент взгляд его упал на небольшую зеленую кляксу на полу.

– Кирилл, ну это уже совсем несмешно, – расстроился Костя, – что я скажу Анне Васильевне! Она только перед моим приездом полы покрасила.

– Да это честно не я, – обиделся Кирилл, – я даже не знаю, где у тебя в доме зеленка хранится.

– Нет у меня в доме никакой зеленки, ты ее наверное с собой привез.

– Ты хоть сам веришь в то, что говоришь? Чтобы я с собой аптечку возил? Бинт, пипетку, кружку Эсмарха?

– Действительно, – почесал затылок Костя, – ну не мог же я сам себя зеленкой вымазать?

– Смотри, еще пятно!

Братья склонились над второй зеленой кляксой, мысленно провели линию от одной кляксы до другой и мысленно же продолжили воображаемую линию в обе стороны. Прямая одним концом упиралась в окно, а другим – естественно, в печку.

Братья выпрямились, обменялись многозначительными взглядами и одновременно посмотрели в сторону печи. Наступившая гробовая тишина была истолкована дедом совершенно верно.

– И не думайте даже, – тихонечко предупредил он, – я бывший разведчик, со мной шутки плохи. И не я вовсе это, никаких зеленоч у меня отродясь не было. Говорил я тебе, зефиру купи – не послушал. Теперь поздно. Придется ишо и ананасов в банке купить.

Комаров знал, что это неправда. Снохоубежище деда было просто завалено самыми необходимыми предметами быта и культуры. Была у деда и небольшая походная аптечка. Кружки Эсмарха там, правда, не было, но зеленка была.

– Все. Иду за Анной Васильевной, – вздохнул Комаров. – Сил моих нет больше терпеть это издевательство. Сдам его снохе – и дело с концом.

– Сдавай, сдавай, – не испугался Печной, а я ей расскажу все про маркера вашего и про сберкассы обчищенные. А уж она-то по всему селу разнесет. Или даже по району. А там и до Москвы недалеко. Неприятности будут.

Вопреки ожиданиям Кости, Кирилл опять совершенно непристойно расхохотался.

– Маркером он хакера называет? Супер! Техника шантажа на «пять с плюсом». На войне освоил?

– На «пять с плюсом» – передразнил Печной, – делать на войне было нечего, как техникой шабаша заниматься! Шабашом на Плешивой Горке в ночь на первое мая ведьмы развлекаются.

И вообще, не буду я больше с вами разговаривать. Как лучше хотел, сострадание к больному проявил. Знаете, как трудно ночью с печи одному слазить? А что промазал маенько – виноват. Глаза уже не те, в темноте не вижу. Но ведь не совсем промазал, местами-то попал?

– Чем она смывается? – махнул рукой на Печного Костя, – одеколоном?

– Вряд ли, – покачал головой Кирилл.

– А хлоркой? Или кислотой уксусной?

– Смывается, – весело кивнул головой брат, – вместе с кожей. Может, тебе больничный взять?

– Ага. А в больничном что писать? Юношеские прыщи зеленого колору? Чтобы все село потешалось над участковым в крапинку? Это тебе не город. Здесь такие вещи помнятся долго, обрастают подробностями и переходят из поколения в поколение. Слушай, а может не очень заметно? – попытался обмануть сам себя Костя.

– Очень, – отрубил по живому Кирилл.

– Вот гадость, – выругался Костя.

– И вовсе не гадость, – раздался голос с печи, – зеленка – супер, трофейная. Для себя берег. Самым дорогим пожертвовал и за доброту свою поплатился.

– Слушай, – перебил ворчание деда Кирилл, – а что, если пару дней я поработаю за тебя? Начальство, смотрю, не больше жалуется на проверки, работа не очень сложная, если кто начнет задавать вопросы, скажусь стажером. Давай сделаем так: ты будешь как бы руководить из центра, а я бегать по поручениям.

– А если случится что-нибудь серьезное?

– Ну уж тогда не обессуди, – развел руками Кирилл, – явишься перед народом во всей своей неземной красоте.

– Или чудовищном обличии, – вздохнул Костя.

В душе он понимал, что идея брата – наиболее удачный

выход из положения, но не был уверен относительно правомерности этой замены. Что говорится по этому поводу в уставе? В Конституции? В КЗОТе?

Спустя час, из дома Комарова вышел сам Комаров. Но он был не совсем Комаровым. Несколько малозначительных признаков отличало его от но-пасаранского участкового. В частности – имя, прописка и некоторые нюансы во внешности. Один игрок выбыл, другой вышел ему на замену.

* * *

Синий зимний рассвет сельской местности нисколько не походил на рассвет городской. Кирилл шагал по направлению к отделению милиции и просто, бесхитростно и откровенно удивлялся. Как-то в начальной школе, на уроке природоведения они проходили краски времен года.

– Какие цвета у осени? – спрашивала учительница.

– Лиловый, золотой, багряный, – выпалила отличница Людочка.

– Правильно! – обрадовалась учительница, – молодец, вспомнила стихотворение. А у лета?

– Зеленый, – завопил обрадованный класс.

– Тише, тише, – поморщилась учительница. – Не забывайте поднимать руки. Ну а у зимы? Какой цвет доминирует над другими зимой?

Тогда они вместе с Костей синхронно подняли руки, но

учительница спросила именно Костю.

– Белый и голубой, – уверенно сказал мальчик.

– Белый? – удивилась учительница, – ты на улицу часто выходишь? Посмотри в окно, Костя Комаров.

Тогда брат посмотрел в окно и упрямо повторил:

– Белый.

– Скажи ты, Кирилл, – потребовала наставница.

Кирилл уже понял, какой должен быть ответ и уверенно дал полный, как его учили, ответ:

– Зимой на улице доминирует черный и серый цвета.

– Правильно, садитесь оба.

Кирилл тогда гордо сел на свое место, но когда посмотрел на Костю, радость тотчас растворилась в пахнущем мелом и неприятностями школьным воздухе. Костя сидел нахохлившись, закусив губу. В глазах его стояли готовые вот-вот предательски пролиться слезы.

– Не надо жить красивыми картинками из книжек и журналов,

– бросила взгляд на Комаровых учительница, – надо воспринимать жизнь такой, какая она есть – без прикрас и лишнего романтизма. Может, где-то и лежит белоснежный блестящий снег всю зиму, но не у нас. В городе он полежит денек, а потом или растает, или станет грязным и серым.

Сейчас Кирилл мог воочию убедиться в былой правоте брата. Белоснежное село лежало перед ним. Белыми были дома, белыми были деревья, белой была дорога. Правда,

белизна эта воспринималась как бы через призму темного неба, которое прикрывало всю эту роскошь целомудренным синим прозрачным покровом, но синева эта не портила белизны. Она даже придавала ей некоторую загадочность, таинственность, наполняла едва уловимой чувственностью.

«Снег хрустит», – обрадовался Кирилл. Снег действительно сердито и жалобно повизгивал у него под ногами, как будто предчувствовал скорое наступление весны, а с ней – свою кончину. И – странно – визг под правой ногой был на полтона ниже, чем под левой. А вот к этому визгу прибавился другой – какой-то свистящий, стремительный, ровный. И как достойное завершение квартета – дробное барабанное свирепое повизгивание.

Кирилл оглянулся – ничего себе! Прямо на него неслась самая настоящая лошадь! С дугой, хомутом, вожжами и телегой, нет не телегой, санями. стыдно признаться, но Кирилл в первый раз видел настоящую, запряженную в сани лошадь. На мгновение ему показалось, что какая-то неведомая сила перенесла его в прошлое, лет так на сто назад.

– Э-ге-гей, – сорвал он с головы шапку и замахал вслед только что проскользнувшему мимо саням.

Пассажир, видимо, служивший по совместительству кучером, оглянулся и резко дернул за поводья.

– Здравствуйте, – вежливо снял шапку он, как только Кирилл приблизился к нему, – что-нибудь случилось?

– Нет, – Кириллу уже стыдно было за свою мальчишескую

выходку. Чтобы хоть как-то оправдать непредвиденную задержку транспорта, он поинтересовался: – Подскажите, где здесь местное отделение милиции? Мне очень надо.

Мужик глуповато похлопал ресницами, внимательно посмотрел Кириллу в глаза и ответил:

– Дык, как всегда, тама. Вчера еще было. Аль перенесли?

– «Тама» – это в каком направлении? – не терял терпения Кирилл. В конце-концов он сам виноват: раскричался, как подросток! Разве может быть к нему серьезное отношение со стороны сельчанина?

– Тама, – махнул рукой человек.

– То есть я иду в правильном направлении? – в последний раз уточнил Кирилл.

На этот вопрос грубиян вообще не ответил. Он только звонко рыгнул, простонал: «Ну чего привязались? Отработаю я эту курицу, отработаю. Деньги я уже Рыбьему Глазу отправил, а кару хоть сегодня выполню. Цепляются! Сколько можно душу тиранить?», стегнул ни в чем не повинную лошадь и растворился в прозрачных утренних сумерках.

Кирилл пожал плечами и пошел дальше. Странный возница не испортил очарования утра. Он даже добавил ему немного таинственности и сказочности, будто это не простой но-пасаранец проехал мимо него, а сам леший или даже Морозко или какой-нибудь Трескунец.

Нереальность происходящего дополнила маленькая, красивая и, видимо, породистая собачка. Насколько Кирилл

разбирался в породах, это была самая настоящая голубая французская болонка. Болонка, тоненько повизгивая, неслась по улице. Откуда взялось такое сокровище в зимней деревне, да еще без сопровождения, было загадкой.

Кирилл, как и Костя, любил собак. Он остановился, присел и подманил к себе собачку. Милашка, не сбавляя хода, сменила жалобное повизгивание на свирепое и не раздумывая, вцепилась зубами в протянутую к ней руку. Хорошо, что на руке у

Кирилла была плотная кожаная рукавица с мехом, а то неизвестно еще, чем бы кончилось столь тесное знакомство с местной фауной. Кирилл потряс рукой, собачка не отцеплялась. Кирилл попытался потянуть ее за задние лапы, но она выкатила свои круглые глаза и завывала, не разжимая зубов столь пронзительно, что Кириллу стало ее жаль. Он встал и еще раз тряхнул рукой. Малютка отцепилась, но с вместе с рукавицей. Кирилл было пытался поймать ее, но куда там! Зверюга, как только оказалась на земле, понеслась прочь с такой скоростью, что догнать ее не было никакой возможности. Юноша прошел было немного по направлению, в котором умчалась собачка, но безрезультатно. Видимо, та и не собиралась бросать свою добычу. Пришлось идти дальше с одной рукавицей.

Кирилл быстро нашел в столе брата те папки, которые он просил принести, прошелся по всему отделению, заглянул в КПЗ. Но-пасаранское отделение милиции представляло со-

бой прелюбопытное зрелище. В нем было всего три помещения, или по-бытовому, три комнаты. В самой первой и по-порядку, и по расположению относительно входа, была приемная. Кирилл с легкой иронией во взгляде потряс за спинки рухлядь, видимо, именующую себя креслами. Рухлядь издавала жалобный стон и юноша оставил ее в покое.

Кабинет участкового был под стать приемной – простой школьный стол, два стула, допотопные занавесочки на окнах, голубой, с белыми проплешинами сейф.

Кирилл подергал за ручку дверь самой последней комнаты. КПЗ была, естественно, заперта, а искать ключ на связке Кириллу было уже неинтересно. Скорее всего, местный «обезьянник» тоже не представлял из себя ничего интересного.

Когда юноша вышел, на улице было совсем светло. Народу было по столичным меркам мало, до дома ему встретились всего человек десять-двенадцать, не больше. Все эти люди смотрели на него как-то странно, при приближении почему-то здоровались и интересовались здоровьем.

«Что у них тут, приколы что-ли такой, со всеми здороваться и про самочувствие спрашивать?» – недоумевал он. Когда третья старушка спросила у него, не болит ли голова, Кирилл остановился, картинно развел руками, низко поклонился и объявил на всю улицу:

– Болит! Легче вам теперь?

Симпатичная маленькая старушка всплеснула руками и

быстро засемила прочь.

Следующая старушка, обратившая внимания на Кирилла, была совсем не симпатичная: с ярко намалеванными губами, с голубыми кругами вокруг глаз, с черными стрелками, уходящими куда-то в теменную область и с длинными бусами поверх старой искусственной шубенки. При виде юноши она оглушительно взвизгнула, прижала руки к груди и хриплым голосом проворковала:

– Вы нехороший. Вы меня забыл. Почему вы меня не берете в плен? Мое тело жаждет пыток! Моя душа жаждет искупления! Мою грудь теснят стоны и рыдания! Возьми меня в темницу!

Сильный, ироничный Кирилл с детства боялся сумасшедших.

– Идите, идите, гражданочка, – сухо потребовал он, пытаюсь обойти дамочку.

– Гражданочка? – на глаза старушки навернулись слезы, – и это вы говорите мне? Невинной девушке? После всех ваших обещаний?

– Ставлю на Арьку, – принял решение один из мужичков, стоящих неподалеку, – она сегодня на подъеме, заговорит участкового.

– Эт ты нечестно, – закапризничал другой, – ясно же видно, прихворал участковый. Куды ему с больной головой супротив Арьки Савской?

– А пистолет? – привел аргумент первый, с тревогой на-

блюдая, как юноша пытается обойти рассвирепевшую Савскую. – Он же может ей пистолетом двинуть?

– Против Арьки не токо пистолет, но и ружо не поможет, – стоял на своем второй. – А с участковым и правда непорядок. Давно уж пора привыкнуть ему к Арьке, а он все шарахается, как черт от ладана. Нет, не буду ставить.

Мужики проводили взглядом улепетывающего от Савской Кирилла, почесали затылки и сбросились на вожделенную поллитру. То, что они не успели сделать ставки – еще не повод для вступления в общество трезвости. Не те времена, понимаешь.

На Савской старушки не закончились. Навстречу Кириллу попалась целая группа не менее странных, чем экс-актриса, старушек. Все они были одеты во вполне приличные, но не самые дорогие шубейки, головы их украшали пуховые шали с длинным, кудрявым пухом, валеночки каждой были просто на загляденье: с веселыми вышивками, ковбойской бахромой, аппликациями из оленьего меха.

– Ансамбль что-ли какой? – поинтересовался любознательный Кирилл.

– Ха-ха-ха, – закатились на разные тона старушки:

– Какой мы ансамбль!

– Вы еще не слышали, как пленники поют!

– И вообще, мы на вас обиделись! Не любите вы старушек!

– К нам не заходите.

– Вот бросим вас и удерем всем составом в колонию.

– А если так не возьмут, то даже преступлений насосершаем, – пригрозила последняя. И все хором прокричали:

– Так что не забывайте нашу «Улыбку», а то хуже будет!

После этих слов старушки-веселушки с девичьим хихиканием засеменяли дальше.

– Такие улыбки разве забудешь, – бубнил под нос Кирилл. – Вон как зубы у всех сверкают! Как на рекламе «Блендамета». И где только столько старушек набрало столько вставных челюстей?

Последней каплей был какой-то лохматый, высоченный дед, настигший его уже возле самого дома. Дед поймал его за воротник дубленки, притянул к себе и жарко зашептал в самое ухо:

– Уймись, трясовица, а не то прокляну, ты, колючка, остановись, а не то сошлю в преисподнюю, ты, свербеж, прекратись, а не то утоплю, ты, стрельба, прекратись, а не то засмолю, ты, огневица, охладись, а не то заморожу, ты, колотье притупись, а не то распилю тебя на кусочки, ты, дерганье, воротись, а не то запружу тобою плотину, ты, морганье, окрутишь, а не то в печи засушу, ты, слепота, скорчись, а не то утоплю тебя в дегте, ты, глухота, исчезни, а не то засмолю тебя в бочку, ты, немочь, отвяжись, а не то будешь воду толочь. Все недуги откачнитесь от раба

Божьего...

– Да вы что, очумели тут все? – оттолкнул от себя назойливого деда Кирилл, – нового человека, что ли давно не ви-

дели? Джунгли какие-то. Бросаются, гадости на ухо шепчут. Брысь! И чтобы духу вашего рядом со мной не было!

Высоченный лохматый дед обиженно выкатил губу, насупил брови и пробормотал:

– Я те покажу, как с Ванькой-Пензяком свориться. Иш, заважничал! Я те покажу!

После этого он забормотал что-то монотонно и глухо, не отводя взгляда от калитки, в которую зашел Кирилл.

* * *

– Чудные у вас тут все какие-то, – жаловался Кирилл, – смотрят, как на мартышку в зоопарке, здороваются все без разбору, гадости говорят. Собаки мерзкие без намордников бегают. Смотри, рукавицу уволокла.

– Ну, первое и второе – понятно, – веселился Костик, – забыл тебя предупредить, что в селе надо здороваться с каждым встречным, даже если ты чужак. Насчет мерзкой собаки тоже ясно. Звание самой мерзкой собаки Но-Пасарана носит некая Мальвина, болонка бывшей актрисы Савской. В таком случае найти твою потерю можно, но отдадут ли ее собака и хозяйка – большой вопрос. А кто тебе гадости говорил?

– Дед какой-то на шею бросился. Высокий, заросший весь, глаза дикие. Ужас просто.

– Ничего ужасного, – хитро улыбнулся Костя, – обыкновенный колдун. В каждом уважающем себя селе такие есть.

– Колдун? – поднял брови Кирилл, – шутишь?

– Нисколечко! Ванька-Пензяк – самый настоящий колдун с дипломом. Сам проверял. Колдовал-то он всю жизнь, сколько себя помнит, а диплом получил недавно, после городских курсов.

– И чего? Насыляет бури, пожары, привораживает девиц, пьет кровь невинных младенцев?

– Невинных будущих адвокатов, – припугнул Костя. – А вообще – милейшая личность. Заговаривает бородавки, пытается от алкоголизма кодировать, изгоняет всякую шушера из домов. Вот лопнет мое терпение, попрошу Печного изгнать.

– Кто еще первый попросит, – буркнул голос с печи, – ты Ваньке кто? Никто! Самая настоящая шушера. А я ему товарищ, можно так сказать. Меня он лучше послушает.

– Ага, товарищ, – не сдавался Костя, – по несчастью товарищ. Представляешь, – обратился он уже к Кириллу, – чуть не насмерть бьются из-за любви бабушки Пелагеи. А она – как стена. Холодна, неприступна, жестока.

– Так уж и насмерть, – засопел на печи дед, – это вы, молодые, чуть что – в кулаки. А мы, мудрые, больше телектом друг друга душим. А у меня этого телекта поболее, чем у Ваньки будет. Все-таки я чуток постарше.

– А что за старушки какие-то ненастоящие на меня напали? Одеты с иголки, зубастые, веселые, одинаковые. И говорят как-то странно.

– Так это, наверное, «Улыбка» – догадался Костя.

– Что-то про улыбки они говорили.

– Дом престарелых «Улыбка». Веселые старушки. А заведующая у них просто замечательная: находит каких-то спонсоров, выбивает деньги, лечит своих стариков. Умница! Ну, хватит о пустяках. Лучше скажи, готов к Белокуровой идти?

– А чего тут готовиться? – пожал плечами Кирилл, – скажусь стажером, студенческий у меня с собой, начну интеллигентную беседу, потихонечку подведу к главному. Что мне, впервые?

– Смотри, она дама опасная и не совсем глупая. И детки еще те. Зиту и Гиту не бойся, наши люди, а вот Митропия – девица опасная. Ограбит, да еще шантажировать будет.

– Кто-кто? – вытянулся навстречу брату Кирилл, – Зита и Гита? Митропия?

– Они самые, – расплылся в широкой улыбке Костя. – Белокурова всех детей так называет. А их у нее бесчисленное количество. Так не забудь начсет Митропии. И с бабушкой не больно-то общайся. На весь день настроение испортит.

– Запугал! В Москве с рецидивистами, маньяками и киллерами общаюсь, а здесь должен бабки и дедки бояться. Жди. Приду или на щите, или под щитом.

* * *

В местном магазине директор мелькрупкомбината поку-

пать продукты не стал. Купишь – мигом разговоры пойдут. И так узнали, кому не надо. В райцентре тоже небезопасно. Там тоже но-пасаранцы шмыгают. Пришлось ехать в город. Хорошо, что брат подсказал на оптовку податься. Там и выписал директор пятнадцать банок лосося, пятнадцать – консервированных ананасов в собственном соку, пятнадцать упаковок вафель в шоколаде, пятнадцать банок свиной китайской тушенки. А чечевицу покупать не стал, сохранилась у него чечевица, все пятнадцать пакетов. И чего только в этой гадости за границей находят?

В загранице и было все дело. Почти полгода назад пришла на мелькрупкомбинат гуманитарная помощь из Америки для пенсионеров с комбината. Груз пришел на имя директора, бумаги все при нем остались, какой же дурак будет отдавать такую гору высококачественных продуктов, если никто не узнает? И ведь что обидно, сколько времени прошло, все тихо было, а когда уничтожило семейство директора последнюю банку заграничного продукта, так и пришло оно, письмо. И ведь не пожалел, гад, ладно только ограничился бы продуктами самого комбината – мучицы там, гречки, гороха, а то заставил ведь подкупать все то, что предназначалось пенсионерам и сверху того крупной оделить. А ведь еще и штраф!

Никакой совести нет у человека, или кто он там. Никакой совести, – злился директор, с улыбкой вручая ошарашенным бывшим работникам мелькрупкомбината коробки с гумани-

тарной помощью его ли самого, за границы ли, или кого третьего, оставшегося неизвестным.

Глава 5

Визит в святое семейство

– Оформить как престарелого я вас не могу, сами понимаете, – развела руками Инесса Васильевна, заведующая «Улыбки», – но пожить у нас какое-то время вы вполне можете даже и без документов. Жить будете в мужском крыле, вместе с Колей-Болеро. Не напрягайтесь, он не сумасшедший, он блаженный. К тому же свободных помещений у нас так и так больше нет. Мы только планируем отстраиваться. Естественно, будете выполнять кое-какую работу. Не в качестве платы за питание, просто у нас так принято.

– Вы заставляете беспомощных стариков работать? – поднял брови «домиком» Бес.

– Я разрешаю им работать, а это разные вещи. Для этих бабушек труд необходим как воздух. Эта привычка, лишившись которой они сразу зачахнут. Они не будут жить, если перестанут работать.

– И для той, что в кресле-каталке тоже?

– Вы что, думаете, что я им предлагаю бетон месить? – возмутилась Инесса Васильевна, – они вяжут варежки, поливают цветы, протирают пыль, кормят кур. И делают это, поверьте, с удовольствием. Пожалуй, даже с большим, чем играют.

– Играют?

Бес почему-то представил, как маленькие чистенькие старушки шалют в детской комнате, лепят куличики в песочнице и бьются в вышибалы.

– У нас есть неплохие настольные игры, не требующие особых затрат энергии. Например, бильярд и «лото», как они его называют.

– Сдаюсь, сдаюсь, – дурашливо поднял руки Бес. – Здесь действительно макет земного Рая. Мне идти бетон месить или варежки вязать?

– Можете чистить снег с Колей?

– С удовольствием.

– Топить печь умеете?

– Virtuозно!

– Неужели и дрова рубите?

– Почти профессионально.

– Отлично. Это и будет входить в ваши обязанности. По рукам?

– По рукам!

Бес немного задержал руку Инессы Васильевны в своей руке и пристально посмотрел ей в глаза. Немолодая женщина с легкой иронией поймала его взгляд и высвободила руку. Если бы она только знала, какого волка запустила к своим бедным робким овечкам!

Возле дома Белокуровых маячила высокая унылая фигура.

– День добрый, бабушка, – приветливо, как учил его Костик, поздоровался Кирилл.

– Носит вас тут нечистая, – вежливо ответила старушка, – Фиску расстроишь, на неделю озвереет.

«Бабушка Белокуровых», – понял Кирилл.

– Никакие Фиски меня не интересуют, – сделал строгое лицо Кирилл, – а вот с Анфисой Афанасьевной я бы поговорил. Она дома?

– Анфиса Афанасьевна не дома, – послала Кириллу ядовитый взгляд старушка, – а дочь моя, Фиска, тама. Чего хочут, то и делают. Хочут – ходют на работу, хочут – не ходют. Жаль, не тридцать седьмой. Сама бы в отдел отвела. А детенышей – в колонию. И на тебя бы управу нашла.

– Спасибо, добрая женщина на ласковом слове, – низко поклонился Кирилл, – пройти-то можно?

– Да коли я могла бы не пустить, – плаксивым голосом пожаловалась старушка, – а то чего толку? Все равно пройдешь. Иди уж, от греха.

Кирилл еще раз горячо поблагодарил бабушку Белокуровых, поднялся на крыльцо, долго, с ярко выраженным недоумением искал кнопку дверного звонка и не найдя ее, по-

стучал. Дверь ему открыла симпатичная конопатая девчонка с тонюсенькими, туго заплетенными косками. На плечи ее была поспешно наброшена выдавшая виды фуфайка, из голиафских валенок торчали худенькие голые ножки.

– Здрасти, – давно не виделись, – явно обрадовалась она, – баксы с тобой?

Кирилл никогда не лез за словом в карман. На его памяти просто не было случая, чтобы он не смог найти остроумный, хлесткий и правильный ответ на заданный ему вопрос. Но Но-Пасаран со всеми его жителями просто ставил его в тупик. Поэтому он не нашел ничего умнее и остроумнее, как просто спросить:

– Какие еще баксы?

– Зелененькие такие, – противным голоском объяснила ему девочка, – прямоугольные. Я за так ничего не скажу. И за деревянные тоже. Я коплю.

– И мамку за так не позовешь?

– Лаяться будете? – подобно херувиму, сложила девочка ладошки домиком, – если лаяться, то позову. Только подождите, мы с братьями ставки на вас сделаем. Кто кого. Вы маменьку, или она вас. А то просто слушать неинтересно.

– Митропия, – осенило вдруг Кирилла.

Он вспомнил предостережения брата против трудной дочери Белокуровой. Следующая мысль, которая пришла ему в голову, была о том, что именно Митропия была тем самым ребенком, которому могло быть продиктовано письмо. Когда

подворачивается неплохой случай снять образец почерка, то почему бы им не воспользоваться?

– Ставки? – сделал заинтересованное лицо он, – интересно. И как вы их делаете? Устно, или письменно?

– Ишь, чего захотел, – презрительно зыркнула на него девочка, – ищи дурака, устно ставки делать! У меня целый журнал есть. Без журнала с этих жлобов ни копейки не сдерешь. А в журнале – нате тебе: все расписано, и подписи. Не отречешься.

– Врешь, – схитрил Кирилл, – не может такая маленькая девочка быть такой умной.

Она одарила уничтожающим взглядом молодого человека и исчезла за дверью. Но спустя минуту вернулась, держа под мышкой мутно-желтого цвета большую тетрадь с напечатанным на обложке типографским шрифтом заголовком: «Дневник комиссии по работе среди женщин профорганизации». Этот заголовок был аккуратно, по линейке зачеркнут оранжевым фломастером, а под ним был сделан другой: «Кто чего мне должен». Кирилл раскрыл тетрадь, заинтересованно перелистнул одну страницу, другую, потом, не отрываясь от написанного, поинтересовался:

– А если не лаяться, а поговорить по-хорошему, за сколько позовешь?

– Тогда три доллара, – вздохнула девочка. – Только с мамочкой нельзя по-хорошему. Это ты очень сильно заблуждаешься.

– Зови, – решился Кирилл. – Если будет скандал – квиты, если не будет – плачу валютой.

Валюты у него не было, но он надеялся как-нибудь вывернуться из этого положения.

Пока Митропия бегала за маменькой, Кирилл безжалостно вырвал второй лист из «Дневника», быстро спрятал его за пазуху и снова с невинным видом принялся рассматривать ровненькие столбики ставок, выигрышей и проигрышей, расписки должников маменькой, но алчной девочки Митропии. Когда он поднял глаза, перед ним стояла дама солидной комплекции с однозначно недобрый взглядом.

– Здравствуйте! – Кирилл бесстрашно оскалился а голливудской улыбке, – вы Анфиса Афанасьевна Белокурова?

– Дальше что, – сквозь зубы пробасила дама.

– Вас-то мне и надо, – не испугался Кирилл. – Дело в том, что я прохожу стажировку в одной из московских прокуратур и мне просто необходимо собрать несколько примеров из жизни сельских тружеников для зачета. Вы же, как мне рассказали, женщина умная и чрезвычайно осведомленная обо всем, что происходит в вашем совхозе. Мне очень нужен ваш совет!

Для достоверности своей искренности Кирилл прижал руку к сердцу.

– Глумишься, – утвердительно сказала Белокурова.

– Что вы! И не думаю. Мне действительно очень хочется с вами пообщаться. А знаете что? Позвольте мне пригласить

вас на чашечку кофе с ликером. Где у вас тут можно посидеть?

– В Ассоль-Продукты-Принц, – вынырнула из-за спины Миртопия, – только там не кофе, а шашлыки и водка, а еще я с вами пойду.

– Ассоль-чего? – не совсем понял Кирилл.

– Шашлычная такая. Там дальнбойщики харчатся со своим краями, ой!

Безвозмездные объяснения девочки прервал подзатыльник матери. Может, она не хотела, чтобы дочь шла с ними. Может, побоялась, что юношу спугнет определение «края», может не хотела, чтобы любимая дочь бесплатно выдавала какую ни есть информацию.

– Шашлыки, так шашлыки, – расщедрился Кирилл, – ну, так как?

Ответом ему послужила столь мощная оплеуха, что он слетел с крыльца и утонул лицом в том самом белоснежном, так пленившем его снегу.

– Ничего не понимаю, – Кирилл снял с лица налипший снег и действительно удивленно посмотрел на все так же молча стоящую на крыльце Белокурова. – Вы тут чего все, обкурившиеся что ли? Нормальных человеческих отношений не понимаете. Дурдом на колесиках.

– Дурдом? – прорезался голос у Анфисы Афанасьевны, – да как только наглая твоя рожа посмела к дому моему приблизиться, да как только мерзкие твои губы посмели такое

предложение мне сделать, да как только свинячьи твои глазенки в мои ясные очи взглянуть решились? Дочь соблазнял, соблазнял, теперь за мать принялся? У-у-у, супостат!

Кирилл торопливо, но бесстрашно зашагал прочь от дома Белокуровых. Чего разговаривать с людьми, когда они не понимают нормального человеческого языка? Он не видел, как на крыльцо выбежали трое мальцов младшего школьного возраста, возглавляемые Митропией. Заметил он их лишь тогда, когда первый снежок ударил его в спину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.